

Библиотека серии

Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции

ЗАБЫТЫЕ
РАССКАЗЫ СЫЩИКОВ

Ивана Путилина,
Михаила Чулицкого
и Аркадия Кошко

Составление и комментарий:
Валерий Введенский,
Иван Погонин, Николай Свечин

Том 2

**Николай Свечин
Валерий Владимирович Введенский
Иван Погонин**

**Неизвестные рассказы
сыщиков Ивана Путилина,
Михаила Чулицкого
и Аркадия Кошко
Серия «Повседневная
жизнь петербургской
сысской полиции», книга 2**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56056339*

Аннотация

В библиотеке проекта «Повседневная жизнь петербургской сысской полиции» представлены не переиздававшиеся с дореволюционных времен рассказы её начальников Ивана Дмитриевича Путилина и Михаила Флоровича Чулицкого, а также не публиковавшиеся после 1929 года произведения

Аркадия Францевича Кошко, служившего в сыскной полиции помощником начальника.

Содержание

Предисловие	6
Из области приключений. По рассказам бывшего начальника с. – петербургской сыскной полиции И.Д. Путилина{ 1 }	11
Психология	11
Подарок на память	15
Петербургские «ужасы»	17
1. Таинственный гость	17
2. Тень помещика	19
3. Чёртова музыка	22
4. Коломенский звонарь	25
5. Вольтер	27
Роковое совпадение	31
Жена и муж	35
Михаил Флорович Чулицкий. Рассказы бывшего начальника с. – петербургской сыскной полиции	37
Убийство портнихи{ 2 }	37
Дом Вяземского (Из судебной хроники){ 3 }	44
Старый товарищ{ 4 }	51
Сапоги{ 5 }	57
Умирающая{ 6 }	66
Вор{ 7 }	73
Пиф-Паф{ 8 }	80

Живые-мёртвые (Из области таинственного) { 9 }	85
Паспорт. Петербургские силуэты (Картинки с натуры){ 10 }	107
Портфель{ 11 }	112
Гипнотизёрка{ 12 }	118
Конец ознакомительного фрагмента.	122
Комментарии	

Неизвестные рассказы сыщиков Ивана Путилина, Михаила Чулицкого и Аркадия Кошко

***Составление и комментариев:
Валерий Введенский, Иван
Погонин, Николай Свечин***

Предисловие

Сочинение исторических романов невозможно без углублённого изучения описываемой эпохи. А сочинение исторических детективов про дореволюционную Россию (то, чем занимаются составители данного сборника) невозможно без изучения деятельности тогдашней сыскной полиции. Поэтому мы – Валерий Введенский, Иван Погонин и Николай Свечин – постоянно читаем аутентичную литературу, научные труды и статьи, роемся в архивах и библиотеках. За много лет у нас скопилось огромное количество материалов о рабо-

те петербургской сыскной полиции, в том числе и не введённых в научный оборот. И мы на их основе неожиданно для самих себя написали документальную книгу «Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции». В процессе подготовки её к изданию, когда сверяли ссылки по первоисточникам, мы вдруг обнаружили, что далеко не все литературные произведения царских сыщиков, известные нам, доступны широкой публике.

Два из них – рассказы начальников СПбСП Владимира Гавриловича Филиппова «Моё первое дело» и Михаила Флоровича Чулицкого «Кто убил?» – мы включили в основной том. А из остальных составили данный сборник.

Где же мы нашли неизвестные рассказы И.Д. Путилина, М.Ф. Чулицкого и А.Ф. Кошко?

В советское время слово «сыск» прочно ассоциировалось с сыском политическим, с деятельностью Третьего и Охранного отделений. Поэтому имена царских сыщиков по уголовным делам были преданы забвению, их литературные труды не переиздавались. Только в 90-х годах XX века, на волне интереса к «России, которую мы потеряли», были, наконец, напечатаны сборники с рассказами И.Д. Путилина и А.Ф. Кошко.

Источниками для современных изданий произведений И.Д. Путилина являются две дореволюционные книги: «Преступления, раскрытые начальником С.-Петербургской сыскной полиции И.Д. Путиным», выпущенная в Петер-

бурге в 1904 году, и сборник М.В. Шевлякова «Из области приключений: по рассказам б. нач. С.-Петерб. сыск. полиции И.Д. Путилина», изданный там же в 1898 году¹. Однако сборник М.В. Шевлякова в 1901 году был переиздан, и автор включил туда ещё девять рассказов. Их при современных переизданиях составители «не заметили», и теперь мы исправляем их промах.

Источником для изданий произведений А.Ф. Кошко является его трёхтомник «Очерки уголовного мира царской России. Воспоминания бывшего начальника московской сыскальной полиции и заведывающего всем уголовным розыском империи»². Первый том вышел при жизни автора в 1926 году, второй и третий – уже после смерти А.Ф. Кошко в 1929 году. Однако изначально все его рассказы печатались в эмигрантской газете «Иллюстрированная Россия», издававшейся в Париже. И, просматривая подшивку (с 1925 по 1929 годы), мы обнаружили двадцать два рассказа, которые в трёхтомник не вошли. А из предисловия ко второму тому мы узнали, что изначально планировался и четвёртый том, по

¹ В современные сборники произведений И.Д. Путилина иногда включают рассказ его сына Константина «Покушение в поезде» и фантазийные рассказы Романа Доброго (Р.Л. Антропова). Подробнее о биографии И.Д. Путилина и его рассказах – в книге В. Введенского, И. Погонина, Н. Свечина «Повседневная жизнь петербургской сыскальной полиции», раздел 6.1.1.

² Подробнее о биографии А.Ф. Кошко и его рассказах – в книге В. Введенского, И. Погонина, Н. Свечина «Повседневная жизнь петербургской сыскальной полиции», раздел 6.3.2.

всей видимости, эти двадцать два рассказа наследники Аркадия Францевича намеревались включить в него. По каким причинам не вышел четвёртый том – мы не знаем, может быть, вмешалась Великая депрессия...

Творчество Михаила Флоровича Чулицкого менее известно любителям детективного жанра, чем произведения Путилина и Кошко. Возможно, потому что в своих рассказах он уделял первостепенное значение типам и характерам преступников, нежели криминальному сюжету. Два дореволюционных сборника его рассказов – «Прелестная женщина» и «Петербургские бродяги» – были переизданы под одной обложкой в 2009 году издательством «Авалонъ». Но, кроме вошедших в эти сборники произведений, перу Чулицкого принадлежат и другие рассказы, очерки и статьи, которые печатались в дореволюционных газетах и журналах. Найти их было бы непосильной задачей для исследователей, потому что по обычаям того времени он часто использовал псевдонимы: «М», «Старик», «Иогарь» и др.

Помог нам их найти ... Сам автор, который всю жизнь терпеливо вырезал и хранил свои публикации. В поисках информации о М.Ф. Чулицком нам посчастливилось познакомиться с его правнучкой Ольгой Анатольевной Семенковой, у которой хранится его архив. Совместными с ней усилиями мы разыскали служебные формуляры Михаила Флоровича³ и членов его семьи. Ольга Анатольевна (за что ещё и

³ Подробнее о биографии М.Ф. Чулицкого – в книге В. Введенского, И. Пого-

ещё раз выражаем ей нашу благодарность) предоставила нам для публикации семейные фотографии и рассказы из архива прадеда.

К сожалению, из-за пандемии коронавируса мы не смогли завершить наши поиски в библиотеках и далеко не все рассказы А.Ф. Кошко и М.Ф. Чулицкого атрибутированы по первому их изданию.

Рассказы А.Ф. Кошко расположены по этапам его биографии (рижская, петербургская и московская сыскные полиция, Департамент полиции, Стамбульское детективное бюро).

Мы не включили в сборник публицистические, юридические и исторические статьи М.Ф. Чулицкого, так как сомневаемся, что эти материалы будут интересны любителям криминального жанра. Атрибуция по первому изданию большей части произведений М.Ф. Чулицкого сделана по его пометкам на газетных вырезках.

нина, Н. Свечина «Повседневная жизнь петербургской сыскной полиции», раздел 6.2.3.

Из области приключений. По рассказам бывшего начальника с. – петербургской сыскной полиции И.Д. Путилина^[1]

Психология

Как просто, психологически просто попадают иногда преступники, доказательством чего может послужить следующий факт.

В богатом доме N-вых, известных в шестидесятых годах театралов, был принят молодой человек Z., которому очень симпатизировал хозяин дома. Когда у N-вых устраивались домашние спектакли, Z. принимал всегда в них деятельное участие в качестве исполнителя и считался весьма способным актёром.

Зная его в продолжение пяти лет, N-вы составили о нём настолько хорошее мнение, что когда он сделал предложение их дочери, то они охотно согласились назвать его зятем.

В то время когда Z. был женихом, N-вы праздновали какое-то семейное торжество. Пришло много приглашённых. Оживлённые танцы затянулись за полночь...

После ужина, когда гости из столовой снова перешли в зал, Z. начал прощаться сначала с хозяевами, потом с гостями.

– Куда вы? – удерживали его хозяева. – Повеселитесь!

– Не могу, завтра утром у меня дела.

Ушёл. На другой день N-в не нашёл на своём письменном столе в кабинете массивного золотого портсигара. Начались тщательные поиски – нигде нет. Пошли догадки, соображения. Первое подозрение пало на одного военного, впервые посетившего дом N-вых. Все остальные же были очень хорошо знакомы для того, чтобы обвинить кого-нибудь из них в воровстве. На прислугу тоже трудно было подумать, потому что это были старые испытанные люди.

Проведя в напрасных поисках пропавшей вещи целый день, N-в решил на другое утро заявить о происшествии в Сыскную полицию.

– Простите меня, барин, – сказал старик-камердинер, – если я позволю себе доложить вам о своей догадке.

– Говори!

– Портсигар ваш взял не кто иной, как Z.

– С ума ты сошёл! – накинулся на него N-в. – Кто же может на него подумать? Он вхож к нам пять лет, кроме того, это наш будущий родственник.

– Может, и ошибаюсь, конечно, но только по всем признакам это так...

– Что такое ты заметил? Говори!

– Вчера, уходя, Z. дал мне на чай два рубля.

– Ну так что ж?

– А между тем, вот сколько уж лет он к нам не ходил, а только в большие праздники давал по полтине... Кроме того, опять мне удивительно стало, что он перед уходом, когда все гости оставались, ко всем прощаться подходил. Господа обыкновенно, ежели раньше других уходят, так потихоньку, чтобы никто не замечал их. Не нарушают, значит, веселья. А этот, по-моему, нарочно показывал, что уходит, чтобы не подумали потом на него насчёт пропажи.

Эта «психология» камердинера заставила призадуматься барина. А что если это так?

N-в на другой день, ни слова не говоря домашним, отправляется к Путилину и сообщает ему о пропаже и, кстати, приводит психологию своего камердинера.

– А что вы думаете? – говорит Путилин. – Очень возможно, что ваш лакей прав...

Иван Дмитриевич со свойственной ему ловкостью в тот же день обнаруживает, что действительно портсигар N-ва похищен женихом его дочери.

Когда N-в приехал к нему вечером осведомиться о результатах розыска, Путилин ему сказал:

– Психология вашего камердинера так превосходна, что я хоть сейчас взял бы его к себе в помощники.

От Z. отняли портсигар, дело это замаяли, пощадив карьеру молодого человека, запутавшегося неудачной карточной

игрой, следствием чего и была кража портсигара, – и уж, конечно, в руке m-lle N-овой отказали.

Подарок на память

Путилин рассказывал чрезвычайно интересный случай из жизни императора Николая Павловича.

В старое время славились театральные маскарады, устраивавшиеся в Большом театре. Они процветали и посещались лучшим петербургским обществом. Сам государь нередко посещал их и был близким участником искреннего веселья, царившего в пёстрой толпе присутствующих.

Николай Павлович, как известно, вообще был доступен и прост в обхождении, но во время маскарадов в особенности он не любил никого стеснять своим присутствием. К нему совершенно свободно подходили маски и беседовали. Он охотно вступал в разговор с незнакомыми и бывал очень доволен, если встречал весёлых, остроумных собеседниц. Несомненно, многие из масок, удостоившиеся милостивого внимания императора, кичились этим, а некоторые даже извлекали существенную пользу.

Однажды, например, ловкая и элегантная маска своим увлекательным разговором до того заинтересовала государя, что он, проговорив с ней довольно долго, спросил её: не желает ли она чего-нибудь на память о приятно проведённом для императора вечере?

— Вы слишком милостивы, ваше величество, — отвечала маска, — я так сметлива вашим вниманием, что, наоборот,

желаю просить вашего позволения сделать мне самой вашему величеству подарок на память о сегодняшнем маскараде.

— От души приму, — ответил государь, улыбаясь, — но только мне интересно, что ты мне можешь подарить?

— Со мной этого подарка нет, но я буду просить позволения прислать его завтра вам во дворец.

— Прекрасно!

— Пообещайте его принять, а также пообещайте сделать распоряжение, чтобы он был вам доставлен без задержки.

— Об этом не беспокойся, милая маска. Присылай, и он будет у меня. Поверь, я его сберегу.

Каково же было удивление императора, когда ему на другой день в виде подарка было прислано трое малюток-детей, судьбу которых неизвестная вручала его безграничной доброте.

Государю так понравилась эта шутка, что он принял участие в этих детях и приказал определить их в институт на его счёт.

Петербургские «ужасы»

1. Таинственный гость

На Пантелеймоновской улице⁴, в одном из больших домов, имеется маленькая, в две комнаты, квартира, в которой не уживаются жильцы.

Причина – таинственное появление призрака.

Вторая от входа комната обыкновенно отводится жильцами под спальню. По расположению её кровать приходится ставить около двери.

Ровно в десять часов вечера ежедневно в этой комнате появляется мрачного вида господин и скромно присаживается на край кровати. Минут через пятнадцать он так же таинственно исчезает, как таинственно появляется, бесшумно, спокойно, не причиняя никому ни малейшего вреда.

Однако были случаи, когда этот непрошенный гость чуть не до смерти пугал людей, в особенности женщин.

Чиновник Н., первый заявивший Сыскной полиции о существовании привидения в этой квартире, рассказал следующее:

– На новую квартиру мы переехали только вчера утром.

⁴ Ныне улица Пестеля. Здесь и далее, если особо не оговорено, примечания составителей.

Вечером жена разбирала вещи, раскладывая их по шкафам и комодам, а я прилёг отдохнуть. Вдруг в спальню открывается дверь, и входит незнакомец. Не успел я у него спросить, что ему нужно, как он подходит к кровати, на которой я лежал, и садится у меня в ногах. Я невольно почувствовал какой-то страх и в первый момент не в силах был шевельнуть языком. Тем более было страшно, что я сам закрывал входную на лестницу дверь и поэтому был уверен, что извне никто в квартиру проникнуть не мог. Наконец, я собрался с силами и спросил: «Что вам надо? Кто вы?» Посетитель сидел неподвижно, понуро свесив голову и вытянув вперёд руки. «Кто вы?» – повторил я, но ответа опять не последовало. Услышав мой тревожный голос, из соседней комнаты пришла жена и, увидев незнакомца, застыла в ужасе на месте. На её крик прибежала прислуга и тоже оцепенела. Я начал читать вслух молитвы, осенять себя крестом, но привидение оставалось на месте, по-прежнему не обращая внимания на происходившее кругом. Можно представить моё положение: лежать позади страшного призрака, боясь шевельнуться! От одного сознания полнейшей беспомощности можно было умереть... Со словами: «Да воскреснет Бог, и расточатся враги его» я поднялся и дотронулся рукою до незнакомца, но «материи» не почувствовал. Вижу, что рука чуть не насквозь его прошла, а ощущения ни малейшего. После этого я поспешил к жене и начал её успокаивать. «Дух» продолжал сидеть, не изменяя позы. Когда мы все до некоторой степе-

ни освоились с событием, незнакомец поднялся с кровати и вышел в открытую дверь в соседнюю комнату, из которой прошёл в переднюю и пропал. Мы вместе втроём, не отходя друг от друга, начали осматривать затворы и замки входных дверей – они оказались исправными и надёжными, осмотрели всю квартиру – ничего подозрительного не нашли. Хотя незнакомец и скрылся, но мы не решились ночевать в этой страшной квартире и отправились на ночлег в гостиницу.

Путилин заинтересовался этим происшествием и поручил одному из агентов произвести следствие. Агент подговорил каких-то смельчаков отправиться на вечер в «заколдованную» квартиру и на другой день подтвердил рассказ чиновника о появлении таинственного гостя.

Разыскали прежних жильцов, спросили у них о привидении, но они отозвались полным неведением. При них никаких таинственных появлений не было, а жили они на квартире этой продолжительное время. Но после них тут уже не было постоянных жильцов. Много раз служили молебны, перестраивали комнаты, чуть не стены ломали, чтобы избавиться от таинственного незнакомца, но он регулярно изо дня в день там появляется, возбуждая общее удивление...

2. Тень помещика

Когда-то в Екатерингофе процветал «увеселительный уголок», основанный Егарёвым, отцом известного впо-

следствии петербургского антрепренёра В.Н. Егарёва⁵. Был устроен театр, на сцене которого подвизались цыгане и венгерский хор. Последний изобиловал хорошенькими певицами, имевшими весьма шумный успех среди посетителей.

В одну из венгерских красавиц был влюблён какой-то тверской помещик, пожилой, но очень богатый и тороватый⁶. Он приезжал в Петербург чаще, чем требовали этого дела, и проживал в нём дольше, чем было нужно. Короче говоря, венгерка вскружила ему голову настолько, что он начал умолять её бросить хор и поселиться у него в имении на правах хозяйки. Она ссылалась на свою зависимость от подруг и товарищей, с которыми связана честным словом. Это честное слово будто бы обязывало её ни под каким видом и ни при каких обстоятельствах не разлучаться с хором, который, мол, только и держится прочностью отношений его членов...

Однако помещику удалось склонить несговорчивую красавицу. Она согласилась на побег с ним, но под условием денежного обеспечения.

В один прекрасный вечер он привёз ей солидную пачку денег и сказал, что этот капитал он вручит ей в дороге...

Кончилось концертное отделение. Помещик вышел из театра и направился к ожидавшей его тройке сытых лошадей. Через несколько минут рядом с ним в экипаже поместилась

⁵ Василий Никитич Егарёв(1826–1897).

⁶ Щедрый.

венгерка, и экипаж помчался по Московскому тракту в Вышневолоцкий уезд...

Через три дня путешествия несчастный помещик был найден убитым в лесу близ Вышнего Волочка. Пока шли розыски да велось следствие, венгерский хор почёл за лучшее убраться подобра-поздорову на свою далёкую родину. Вместе с ним умчалась и очаровательная красавица, которую увёз помещик к себе...

С того самого дня, как нашли помещика убитым, в партере Екатерингофского театра каждую ночь стала появляться тень покойника.

Обыкновенно она бесшумно входила в одну из дверей, пробиралась в первый ряд и садилась на крайнее к проходу место.

Призрачный помещик подолгу в упор смотрел на сцену, как бы напрягая всё своё внимание к воображаемому представлению, затем аплодировал коротко, но звучно и исчезал до следующей ночи.

Все служащие в Екатерингофе в конце концов до такой степени сжились с призрачным помещиком, что не стали обращать на него внимания, а о тревоге и помину не было, тем более, что тень вела себя весьма благопристойно и скромно. Когда, бывало, в роковой час кто-нибудь встречался с ней в коридоре, то отходил в сторонку, давая ей дорогу, она приветливо кивала головой и спокойно проходила дальше, по направлению к театру.

Дошло даже до того, что сторожа стали с тенью раскланиваться и не без фамильярности говорить ей:

— Ну пошла бродить! Ох ты, горемычная душа!

Лет двадцать бродила эта тень по Екатерингофскому вокзалу, и только тогда прекратились о ней сведения, когда сцена Екатерингофского вокзала была предана уничтожению...

3. Чёртова музыка

В шестидесятых годах построен был нарядный деревянный домик по Флюгову переулку⁷ на Выборгской стороне. Домик уютный, тёплый, а жильцы в нём не уживались. Много, много кто выживет в нём две недели, а другие так через день, через два из него выбирались.

Хозяин дома чуть не плакал: деньги на постройку затрачены, а жильцов не находится.

— С чего вы выезжаете? — справлялся он у своих жильцов, менявшихся по несколько раз в месяц, и все в голос отвечали:

— Да разве можно тут жить, коли чертовщина осиливает...

— Что такое? В чём она проявляется?

— Ни днём, ни ночью от неё нет покоя. Такая музыка по всему дому раздаётся, что от страха глаза на лоб лезут.

Чтобы проверить жалобы жильцов, домовладелец сам переехал в свой дом и тоже недолго в нём прожил. Через неде-

⁷ Ныне Кантемировская улица.

лю и он освободил квартиру, не зная, к чему приписать странные явления, происходившие в этом доме. Действительно, творилось что-то страшное. Не только ночью, но даже среди белого дня «нечистая сила» выла, стонала и хрипела на весь дом. Что-то дикое, зловещее слышалось в этой чёртовой музыке, особенно страшной и неугомонной ночью.

Довели об этом до сведения полиции, которая стала следить за всеми близкими к нему людьми, начиная с подвального жильца, какого-то обнищавшего мастерового, до дворника включительно, не проделывает ли, мол, кто-нибудь из них эти шутки? Но ничего подозрительного ни за кем замечено не было.

Слухи о «заколдованном доме» распространились по всему Петербургу. Как это всегда бывает, нашлось немало праздных любителей городских происшествий, которые толпами стали собираться во Флюгов переулок, чтобы поглазеть на диковинную постройку, облюбованную нечистой силой...

Разумеется, дошло это до сведения Сыскной полиции. Путилин сам взялся расследовать это дело и найти виновников «чертовщины».

Благодаря своему огромному опыту он сразу напал на след.

Прежде всего, были вытребованы для допроса плотники и печники, работавшие при постройке этого дома.

– Ваших рук дело? – спросил их Путилин.

Те, разумеется, стали закидываться. «Знать ничего не знаем

и ведать не ведаем. С чертями дружбы не ведём и ничего общего с ними не имеем».

– Отлично, – сказал Иван Дмитриевич, – в чертей и я тоже не верю, но о проделках мастеров кое-что знаю. Чертей, конечно, никаких в доме нет, и чтобы прекратить о них толки в город, я заставлю вас даром дом этот разобрать и снова его построить...

Нечего было делать, пришлось печникам признаваться, что «чёртова музыка» действительно устроена ими, которую они и взялись устранить в один день.

– Зачем она вам понадобилась? – интересовался Путилин.

– А мы её устроили за хозяйскую обиду. Обидел он нас, не так рассчитался с нами, как уговаривался.

На другой день разломали печь и вынули из кладки её десятков различной величины стеклянных бутылок. Посуда эта была замуравлена в стенки печи и труб таким образом, что открытые их горлышки выходили вовнутрь трубы. И вот при сильной тяге воздуха в печах ветер дул прямо в отверстия бутылочных горлышек и вызывал этим различные звуки, похожие то на ужасающий вой, то на заунывные стоны.

Разумеется, когда всю эту посуду вынули из печи и трубы замазали, «нечистая сила» разом пропала и уже никого никогда не беспокоила, хотя, впрочем, долгое время не находилось всё-таки жильцов, потому что слухи о заколдованном доме распространены были по всему городу, и нужно было быть очень отважными, чтобы водвориться на жительство в

такой дом, который успел приобрести печальную популярность...

4. Коломенский звонарь

В Коломне⁸ построили дом для рабочих известного Бердова завода⁹. На дворе был поставлен столб с нишей навверху, под которой повешен был колокол, необходимый атрибут рабочего района. По удару в колокол рабочие отправлялись на завод, возвращались с работы, уходили обедать и т. д. в обыкновенном порядке. Колокол был достаточно большой, так что звон его был слышен на большом пространстве.

Вдруг в одну прекрасную ночь колокол зазвонил сам, произведя суматоху среди рабочих, поднявшихся со сна в неурочное время.

Приписав это к неуместной шутке какого-нибудь проказника, сначала пропустили этот случай без серьёзного внимания, но когда на следующую ночь звон снова повторился, стали добираться до виновника. Несколько человек подошли к столбу и нашли, что верёвка от колокола висит свободно, а мерный звон продолжает раздаваться. Что за чудеса?

На третью ночь были приставлены к столбу сторожа, ве-

⁸ Коломна – одна из окраин Петербурга (примечание автора).

⁹ Находился по адресу: Перевозная, 1 на Матисовом острове. Предприятие изготавливало пароходы и паровые машины, художественное литьё, пролётные конструкции для мостов.

рёвка плотно привязана к крюку, а колокол продолжал звонить сам собою.

Этот таинственный звон перепугал всех коломенских обитателей. Весь город о нём заговорил, и стали расходиться по Петербургу всяческие нелепые догадки и предположения. По обыкновению, нашлось множество досужих людей, которые целыми ночами толпились возле колокола и с недоумением пожимали плечами. Стали толковать, что колокол этот потому звонит сам собою ночью, что он будто бы украден из какого-то бедного монастыря. Другие придумали комбинацию более замысловатую: пустили слух, что колокол этот когда-то был на деревенском погосте, и под звон его хоронили колдуна, с тех пор колокол стал по ночам «стонать».

Чтобы покончить с праздными толками окрестного люда, колокол этот сняли и на его место повесили другой, новый. Но и этот стал звонить по ночам. Тут уж панический страх обуял всех, и в особенности заводских рабочих.

– Не к добру, – твердили они и стали с ужасом ожидать какого-нибудь несчастья.

Вскоре, однако, когда уже собирались срыть столб и колокол заменить чем-нибудь другим, выдалась светлая лунная ночь... Зазвонил колокол. Сторож подбежал к столбу и стал вглядываться наверх. Через несколько минут внимательных наблюдений он замечает, что на самой вершине столба, под навесом, устроенным для защиты колокола от дождя, сидит какое-то чучело. Сторожа бросило в дрожь, он решил, что

там гнездится «нечистая сила». Он начал шептать молитвы – не помогает. Нечистая сила покачивается спокойно на колоколе и позванивает, внушая суеверный страх всем, до кого доносится звон. Сторож подобрал полы своего традиционного дворницкого тулупа и бросился опрометью к рабочим.

– Братцы, на колоколе нечистая сила... Сам видел!

Вскочили рабочие и побежали к месту происшествия. Взглянули кверху – действительно, какое-то чудище.

Раздобылись у управляющего ружьём, нашёлся умелый стрелок, и удачный выстрел свалил таинственного звонаря.

Что же оказалось?

Это была огромная сова, повадившаяся прятаться по ночам под колокольную нишу. Тяжестью своего тела она приводила в движение колокол, и, должно быть, делала она это нарочно, из любви к колокольным звукам...

5. Вольтер

В начале семидесятых годов¹⁰ в Петербурге заговорили, что в Публичной библиотеке творится что-то неладное. Каждую ночь по обширным залам библиотеки ходит белая тень. Сторожа, встречавшиеся по ночам с этой тенью, говорили, что она ведёт себя крайне благопристойно. Бродит по библиотеке тихо, бесшумно, никого не трогая и даже не обращая внимания на встречающихся.

¹⁰ Описываемое в рассказе преступление было раскрыто 3 марта 1871 года.

Людская молва решила, что тень эта – оживающая ночью статуя Вольтера, находящаяся в зале барона Корфа.

Такой слух, конечно, не мог не возбудить общественного интереса, и в библиотеку стали стекаться любопытные для осмотра гипсового изваяния, показывающего неслыханные чудеса. В эти рассказы охотно верили сами сторожа, иначе бы они устроили бы облаву на таинственного ночного посетителя...

Об оживающей статуи Вольтера стали так много говорить, что Путилин предложил заведующему библиотекой обратить серьёзное внимание на слухи и вывести из заблуждения публику, которая, по обыкновению, в своих предложениях в конце концов дойдёт до геркулесовых столбов¹¹...

Внимание было обращено, и заведовавший в то время иностранным отделом библиотеки В.И. Собольщикова¹² обнаружил пропажу дорогих и редких книг, а также и ценных гравюр.

Это открытие не могло быть, конечно, не связанным с прогулкой по ночам статуи Вольтера, и тотчас же был отдан приказ сторожам о поимке тени, ворующей библиотечные драгоценности и, очевидно, понимающей в них большой толк.

Однако, как пропажа книг обнаружилась, тень эта, к общей досаде дежуривших по целым ночам сторожей, исчезла

¹¹ До предела.

¹² Василий Иванович Собольщикова(1813–1872).

бесследно.

Вольтер не стал оживать, но книги пропадать продолжали.

Стали очень строго следить за всеми лицами, имевшими свободный доступ в отделения библиотеки.

Через некоторый промежуток времени, когда бесплодные дежурства сторожей были отменены, виновник пропажи книг был обнаружен.

Он оказался знаменитым германским учёным Пихлером¹³. Как-то надевая на него пальто, швейцар случайно ошупал на его спине книгу, спрятанную под сюртуком. Его задержали, обыскали и уличили в краже. На квартире у него нашли более пятисот¹⁴ экземпляров похищенных из Публичной библиотеки редких книг.

При следствии Пихлер признался, что белой тенью по библиотеке бродил он.

Его судили и сослали в одну из северных губерний¹⁵.

¹³ Алоис Пихлер (1833–1874), баварский доктор теологии и католический священник, в своих работах выступал с критикой папской непогрешимости, обвинял римскую церковь в церковном расколе между Востоком и Западом, защищал позицию православной церкви в споре с римским престолом. В 1869 году был приглашён в Петербург и с высочайшего разрешения назначен сверхштатным старшим библиотекарем в Публичную библиотеку с оплатой жалования, значительно превышавшего оклады штатных сотрудников, из бюджета Министерства внутренних дел.

¹⁴ 4478 книги и 427 гравюр.

¹⁵ Суд приговорил А. Пихлера к ссылке в Тобольскую губернию сроком на 1 год с последующим поселением в Сибири ещё на 2 года, а также к взысканию с него 1703 рублей за повреждение переплётов книг. В январе 1874 года по ходатайству

принца Леопольда Баварского А. Пихлер был помилован и вернулся в Баварию, где вскоре скончался.

Роковое совпадение

В церковной сторожке много лет ютился старик, исправляющий обязанности привратника.

Знакомые богомольцы оделяли его медяками, которые он припрятывал на инвалидность. Однажды он решился израсходовать двадцать рублей на покупку нового пальто – старое сильно поистрепалось, лет пятнадцать не видело оно ремонта.

У сторожа этого был знакомый человек из мастеровых, с которым он дружил и водил компанию: в праздник после обедни бывал с ним в трактире и угощался чаем. А нередко даже заходил к нему на квартиру, чтобы провести.

Как-то приходит к старику мастеровой и просит «на одёвку» новое пальто:

– Нынче на именины зван к куму, так желательно почище одеться.

– Что ж, – согласился старик, – я с удовольствием, только ты его не порви или не загваздай...

– Ну вот ещё! – возразил мастеровой. – Нешто я не знаю, что вещь новая. В цельной сохранности завтра утром доставлю. Будь благонадёжен.

Старик снял с гвоздя своё новое пальто и отдал его своему приятелю. Тот быстро снял с себя своё старое дырявое, сложил его комком на сундуке и облачился в новое.

Старик его проводил, закрыл за ним дверь и, так как время было вечернее, вскоре лёг спать.

Утром рано обнаружено было убийство. Старика нашли в сторожке мёртвым в обстановке, указывавшей на цель грабежа. Всё перерыто, разбросано, замок у сундука взломан.

Что именно похищено – никто не мог указать, потому что никто в точности не знал имущественную наличность покойного. Таким образом, следственное производство было затруднено.

Но вдруг один из понятых заявляет следователю:

– Пальто нового нет... Старик намедни справил себе тёплую одежду...

Наткнулись на драную одежонку мастерового.

– Это чьё бы такое было?

Следственная власть начала было торжествовать, очевидно, напали на след.

Начались розыски.

Обнаружить приятеля убитого старика было, конечно, нетрудно. Нашли мастерового и с уликами налицо.

– Откуда у тебя это пальто?

Мастеровой повалился в ноги:

– Ей-богу, не трогал старика! Пальто хотя и его, но он мне дал его в одолжение надеть на вечер, когда я к куму на именины ходил.

Мастерового, разумеется, арестовали. Показывали ему его драное пальто, найденное в сторожке, он его признал сво-

им.

Всем было ясно, что сторож убит непременно этим мастеровым, воспользовавшимся и сбережениями убитого старика, и его новым пальто. Однако, как мастерового не пытали, а в преступлении он не сознавался. Стоял на своём, что знать ничего не знает.

Следователь ему доказывал:

— Если ты не убивал старика, так почему ты не явился на другое утро и не заявил о том властям, что брал у сторожа на подержание пальто?

— Боялся... Не хотел впутываться в дело...

— Так неужели же ты думал, что тебе удастся это скрыть? Если ты действительно не виноват, так это ещё хуже. Ты сам на себя навлёк подозрение.

Дальнейший ход дела также складывался не в пользу обвиняемого. Уж вскоре должен был состояться и суд. Из прикосновенных к делу лиц почти никто не сомневался, что мастеровому не миновать Сибири.

Однако справедливость восторжествовала. Путилину удалось поймать какого-то мелкого воришку, выданного полицией его товарищем, желавшим благодаря каким-то хитроумным комбинациям отделаться таким образом от наказания. Воришка возмутился предательством товарища и, в свою очередь, выдал его как действительного убийцу церковного сторожа...

Когда мастерового отпустили на волю, посадив на его ме-

сто действительного преступника, он запил горькую и сделался бродяжкой.

Несколько раз уличался он в мелких проделках и, когда попадал к Путилину для «внушения», всегда горько жаловался па судьбу.

– Как тебе не стыдно бездельничать? – усовещивал его Иван Дмитриевич. – Мог бы работать, ты, слава богу, знаешь ремесло...

– Нет, уж где мне, – печаловался пропащий человек, – видно, у меня судьба такая... Всё равно... Чуть по занаправс-ну в каторгу не ушёл...

Так это роковое совпадение обстоятельств и загубило несчастного.

Жена и муж

В восьмидесятых годах была изловлена шайка мошенников, промышлявшая в притонах чрезвычайно успешно и ново, в смысле оригинально задуманной комбинации. К содержательнице притона является утром красивая эффектная дама и выражает желание поселиться у неё, мотивируя своё желание мстью к внезапно покинувшему её мужу. Хозяйка, разумеется, принимает её с распростёртыми объятиями... Вечером вдруг появляются полицейский офицер, двое понятых и взволнованный господин, который заявляет полицейскому чуть ли не со слезою в голосе:

– Она здесь! Я знаю...

– Тише, успокойтесь, – удерживаете его тот.

– Она хочет меня скомпрометировать, но я этого не потерплю...

На шум выходит хозяйка, разумеется, перепуганная:

– Что такое?

– Вы скрываете мою жену... Я буду на вас жаловаться...

Господин полицейский офицер, потрудитесь составить протокол.

– Какую жену?

– Марью Николаевну N.

С хозяйкой чуть не обморок. Марья Николаевна – это та, которая явилась к ней утром.

– Возьмите её, ради бога... Не кричите только...

– Нет, этого я так не оставлю! Прошу составить протокол. Боясь скандала, хозяйка умоляет кончить дело миром.

– Я обещен, я осрамлён, – вопит несчастный супруг, – я вам покажу, – грозитя он хозяйке, – как сманивать замужних женщин... Я вам покажу!

– Не волнуйтесь, – говорит ему полицейский, – я с удовольствием составлю протокол, но, мне кажется, это дело лучше покончить миром.

– Согласен, – вдруг решает обманутый муж, – пятьсот рублей!

Идёт торговля. На трёхстах или около того сходятся. Хозяйка даёт деньги и отпускает жену.

Жена уходит понурая, в слезах, муж её упрекает в вероломстве, полицейский уговаривает их помириться, и с этим все удаляются. Эффект получается полный.

Нужно ли пояснить, что и муж, и полицейский, и понятые были переодетые мошенники, которые подряд несколько дней со стереотипной точностью проделывали эту штуку с различными хозяйками, пока, наконец, их не накрыли на месте преступления.

Михаил Флорович Чулицкий.

Рассказы бывшего начальника с. – петербургской сыскной полиции

Убийство портнихи^[2]

Несколько лет тому назад зимой поступило заявление в управление участка одной из заречных частей города Петербурга о том, что портниха Варвара Семёнова, исчезнув неизвестно куда, не является домой уже три дня. Через два дня после поступления этого заявления на Неве в сугробе снега был найден труп неизвестной молодой женщины. На шее зияла большая рана. Убийство, по-видимому, было совершено кинжалом или ножом.

Личность убитой была установлена в тот же день. Труп оказался пропавшей без вести портнихи Варвары Семёновой. Дело представлялось загадочным и таинственным, так как убийство было совершено, по-видимому, не с целью ограбления – на убитой не только все вещи были целы, но даже не был похищен и кошелек с тремя рублями.

Неонилла Филимонова, у которой Варвара Семёнова снимала комнату, рассказала, что покойная была скрытного характера и о себе не любила говорить. Очень часто она ухо-

дила на работу в разные семейные дома, ночевала же всегда дома. Ни один мужчина в гости к ней не приходил. Жила она скромно и была очень трудолюбива. Всегда что-нибудь шила и только изредка читала. В последнее время не раз у неё были заплаканы глаза. На вопрос: «не случилось ли что-нибудь с ней?» отвечала, что у неё болят глаза и что у неё нет никаких причин плакать.

Немного больше света пролила на дело постоянно бывавшая у Варвары Семёновой её подруга Мария Петрова. По её словам, недели за две до убийства Семёнова, которую она застала в слезах, призналась ей, что она полюбила одного господина и была счастлива в течение нескольких месяцев. Теперь же предстоят ей тяжёлые дни, потому что приезжает из провинции в Петербург жена любимого ею человека. Как зовут этого господина и где он живёт, сказать не захотела.

На столе в комнате Варвары Семёновой было найдено адресованное на её имя нераспечатанное письмо, полученное на третий день после её исчезновения. «Милая Варя! Почему ты вчера не пришла? – писал кто-то. – Ведь ты хотела ещё раз у меня побывать. Жду тебя сегодня. Получил телеграмму, что приедет ещё через неделю. Приходи же! Твой Н.».

Неизвестного господина Н. никто из окружавших Варвару Семёнову вместе с ней не видел, и разыскать его представлялось очень трудным.

Во время похорон Семёновой подошёл к шедшей за гробом Неонилле Филимоновой какой-то прилично одетый гос-

подин и спросил, кого хоронят и на каком кладбище.

— А вы разве знали Вареньку? — спросила Филимонова, ответив на заданные ей вопросы.

— Да... Нет... — пробормотал неизвестный, сел на извозчика и уехал.

Когда агент сыскной полиции узнал об этом, он сейчас же сообразил, что если неизвестный господин являлся на похороны, он непременно посетит и могилу. Поэтому он отправился на дежурство к кладбищенскому сторожу. Действительно, на следующий день приехал какой-то господин с венком и попросил сторожа указать могилу Варвары Семёновой. Выследить и открыть звание этого господина, уже не было трудно. Это был землевладелец Николай Михайлович Стукин. Было выяснено, что после отъезда жены в имение Стукин проживал в квартире вдвоём с лакеем Иваном Хохликовым и что Варвара Семёнова часто приходила к Стукину.

Хохликов словоохотливо и откровенно описал жизнь своего барина. Он рассказал, что Варвара Семёнова постоянно шила бельё для Стукиной и у них на квартире, и у себя на дому. Весной барыня уехала в имение на юг, и с тех пор Семёнова стала приходить к барину сначала редко, а потом почти каждый день. Оставалась она с ним вдвоём по несколько часов... По их разговору и обращению между собой он не сомневался, что Семёнова находится с барином в любовной связи. В последнее время, когда было получено известие

о скором возвращении барыни, Семёнова заскучала. За три дня до находки трупа Семёновой она была у барина и ушла куда-то вместе с ним. Уходя, барин сказал, что домой возвратится не скоро. Ушли они часов около 9 вечера, а пришёл домой он около 3 часов ночи.

Стукин сначала попробовал было отрицать своё знакомство с Семёновой, но когда узнал о показаниях своего лакея, объяснил, что он желал скрыть свои отношения с Семёновой потому, чтобы не дошли эти слухи до его жены. С Варварой Семёновой он действительно был в близких отношениях, но в последнее время решил прекратить эту связь навсегда. Объявив об этом Семёновой, он дал ей двести рублей и попросил её больше к нему не приходить. Проводив её вечером до Невского проспекта, он отправился в клуб. Прощаясь, Семёнова, по-видимому, искренно его полюбившая, сказала, что она хочет побывать у него ещё раз и обещала прийти на следующий день. Не дождавшись её в условленный час, он написал ей письмо, на которое ответа не получил. Убита Семёнова, по его мнению, с целью ограбления, так как при ней не было найдено данных им ей двухсот рублей.

При осмотре квартиры Стукина было обращено внимание на висевший на стене вместе с разным оружием большой финский нож. Клинок ножа был совершенно чист, но на чехле были заметны свежие следы крови.

Стукин выразил по этому поводу своё крайнее удивление

и заявил, что происхождение пятен он объяснить не может, тем более что в течение нескольких лет он не брал этого ножа в руки. Складывалось полное убеждение в виновности Стукина. И, действительно, улики против него были неотразимы. Последний, кого видели вместе с Семёновой перед её убийством, был он. Хотя объяснение Стукина о том, что он был в клубе до 3 часов ночи и подтвердилось, но он мог явиться в клуб и после совершения убийства, тем более что установить час, в котором он пришёл в клуб, не представилось возможным. Свежие пятна крови на чехле финского ножа, который по своим размерам подходил к отверстию раны, указывали на орудие преступления. Мотив совершённого преступления был ясен. Стукин желал прервать свои отношения с Семёновой, а она не хотела. Он ждал приезда жены, боялся, чтобы до неё не дошли слухи об его связи с Семёновой, и поэтому смерть её была для него желательна. Заявление его о том, что он передал ей двести рублей, было голословным. Письмо написал с целью иметь документ, служащий доказательством его невиновности.

Так посмотрели на дело судебные власти. Стукин был привлечён к ответственности по обвинению в убийстве Семёновой и заключён под стражу.

Агент сыскной полиции, однако, смотрел на дело другими глазами. Он предполагал, что убийство совершено не Стукиным, а кем-либо другим. Он сильно подозревал Хохликова, хотя данных к изобличению его у него пока никаких не бы-

ло. Пока агент раздумывал, что бы ему предпринять для раскрытия истины, утром неожиданно явилась к нему какая-то молодая девушка.

– Я Софья Семёнова, сестра убитой Вареньки, – пояснила она, – только что приехала из провинции за вещами, оставшимися после смерти сестры.

– Вы удивительно похожи на вашу сестру! Это превосходно! Вы мне поможете открыть настоящего убийцу вашей сестры, – быстро сказал агент.

В тот же вечер во время обычных расспросов агентом Хохликова отворилась дверь, и в комнату вошла сестра убитой. На пороге стояла Софья Семёнова, как две капли воды похожая на покойную сестру.

– Варенька! – дико вращая глазами, задыхаясь, еле говорил Хохликов. Он упал на колени и зашептал. – Прости меня, окаянного, за то, что я убил тебя... Прости!..

– Значит, это ты убил? – спросил агент.

– Я.

Хотя Хохликов сейчас же узнал, что пришла не покойница, а её сестра, но он уже не стал больше отрицать своей виновности и рассказал подробно об убийстве, совершённом им с целью грабежа.

Подсмотрев из-за дверей, как Стукин передал Семёновой двести рублей в конверте, который она положила себе в карман, Хохликов выследил её и, ударив ножом в горло, вытащил конверт с деньгами.

Хохликов был присуждён Окружным судом в каторжные работы на 8 лет.

Дом Вяземского (Из судебной хроники)^[3]

После смерти В.М. Крестовского между некоторыми газетами возникла полемика о том, кем именно были написаны «Петербургские трущобы». В конце концов, было доказано, что написаны они были Крестовским, который для изучения описанных им типов и нравов ходил по разным вертепам, бывал в доме Вяземского и читал дела сыскного отделения. Перед глазами встают как живые описанные яркими красками романиста лица отпетого люда, которые от голода и разврата готовы совершить любое преступление.

Мрачным и страшным представляется нашему воображению дом Вяземского. Если читатель отнесёт описанное Крестовским к давно прошедшим временам, он несколько ошибётся. Знаменитый дом Вяземского стоит на месте и представляет собой во многих отношениях неподдающуюся изменению такую же трущобу, какой она была и тридцать лет тому назад. Несмотря на то что он стоит в центре города, несмотря на то что благодаря превосходной организации нашей Сыскной полиции по редкому преступлению, совершённого в этом доме, виновные не бывают открыты, несмотря на все усилия властей, он остаётся трущобой, потому что нравы гнездящихся там подонков общества те же, что были и прежде.

Чтобы иметь представление о нравах обитателей этого дома, туда не следует ходить. Вы там или ничего не увидите, или рискуете нарваться на неприятную историю. Если вы захотите ознакомиться с действительной жизнью нищего и тёмного люда, переполняющего этот дом, ходите по камерам¹⁶ мировых судей, побывайте в заседаниях мирового съезда и Окружного суда и послушайте заурядные дела о браках, кражах, грабежах и тому подобное. Вы увидите тогда жизнь обитателей этого дома во всём её ужасе.

Дом Вяземского состоит из нескольких флигелей. В одном из главных корпусов его существует знаменитый «стеклянный» коридор. Я называю его знаменитым, потому что в редком процессе он не упоминается. Это галерея, состоящая с одной стороны из ряда выходящих во двор окон (отсюда и название «стеклянный»), а с другой – выходящих в неё отдельных ходов, дверей квартир-номеров. Большей частью каждая квартира состоит из двух комнат. В них, кроме квартирного хозяина или хозяйки, помещается от 30 до 40 человек. Живут по группам: в одной помещаются каменщики, в другой – штукатуры, там крючники, здесь тряпичники и т. д. Есть и постоянные квартиранты, есть и временные. Купить себе право за три копейки проспать ночь на полу называется «занять временно угол». Квартирные хозяева, платящие за помещение рублей двадцать в месяц, копейками выручают до шестидесяти рублей.

¹⁶ Кабинетам.

С первыми проблесками дня начинаются и нарушения закона. Накануне вечером после тяжёлой упорной физической работы если не всё, то часть заработанных денег была пропита. Нужно идти опять на работу, а, между тем, голова трещит. Надо похмелиться. Питейные ещё заперты. Да и зачем туда ходить, когда можно и ближе, и дешевле.

Из разбирающихся у мировых судей дел о беспатентной продаже вина вы увидите, что перед такой квартирой, где можно получать водку, выстраивается длинная, как перед кассой театра, шеренга рабочих, получающих за пять копеек и дешевле стаканчик водки, за который в питейном заведении выплачивается семь копеек.

Сегодня оштрафован и приговорён в тюрьму за беспатентную продажу вина один, а завтра на его место уже появился другой или, вернее, другая, потому что этим занимаются преимущественно женщины. Должно быть, выгодная торговля, если не пугает и тюрьма, в которую рано или поздно непременно попадёт каждая из них.

Опохмелившись, многие идут в чайные, и затем дом пустеет. Кое-где лишь валяются непроставшиеся пьяные.

Ну вот слышится крик «Караул» – где-то драка, шум, беготня. Это наступает вечер. На всякий крик и шум бегут люди и показываются головы из-за дверей. Делается это не из желания оказать помощь, а из любопытства и стремления узнать виновников шума, чтобы впоследствии оказать своими указаниями посильную помощь при розыске преступни-

ка и получить за это известную мзду.

Несколько процессов, разбиравшихся на днях в Санкт-Петербургском Окружном суде с участием присяжных заседателей, рисуют нам праздничный вечер 25 декабря 1894 года.

Крестьянин Бурмистров имел неосторожность выпить лишнее. Это заметили и сообразили сметливые люди и нашли, что нужно взять у него кое-что себе на память. Моментально он был окружён, сшиблен с ног и раздет. Когда он опомнился, вблизи никого не было. Не было также его верхнего платья и шапки.

Не имея понятия о такой прыткости и ловкости и не соображая, что, входя в дом Вяземского, не следует ради соблазна класть открыто кошелёк в карман, крестьянин Тимофеев купил себе на три копейки колбасы и у разносчика папирос, стал прятать портмоне с тремя рублями и несколькими копейками, уже войдя во двор дома Вяземского. Тотчас же на него наскочили два человека. Один схватил его за горло, другой вытащил из кармана кошелёк, и затем оба бросились в «стеклянный» коридор. Тимофеев стал кричать. Навстречу убегавшим выскочил дворник и задержал их. Потерпевший заявил об ограблении, задержанные отрицали свою вину. Дворник, по-видимому, не мог разобраться, кто из них прав и кто виноват, и, зная личности задержанных, отпустил их, посоветовав Тимофееву обратиться с жалобой в полицию.

Один из грабителей был лишённый всех особенных прав и

преимуществ запасной канонир Константин Зеленков, двадцати шести лет. Он был наказан за кражу семь раз и принадлежал к типу так называемых «спиридонов-поворотов» или, как такие люди сами называют себя, «лишённых столицы», то есть после отбытия наказания неоднократно высылался из столицы и вновь самовольно сюда возвращался. Другой, крестьянин Иван Зимин, несмотря на свои семнадцать лет, уже тоже был наказан один раз за кражу.

Пропивать похищенные деньги они пошли сейчас же в помещающийся в доме Вяземского трактир «Синоп», откуда перешли в чайную. Похищенный кошелёк был немедленно продан через вторые руки какому-то извозчику за восемнадцать копеек. Через несколько времени у Зимина появилась и обновка – он сидел в плисовой¹⁷ шапке, отнятой у Бурмистрова. Куплена ли она им была или попала к нему по половице «вор у вора дубинку украл» – неизвестно, но то обстоятельство, что она появилась на голове Зимина, очень не понравилось какому-то посетителю, который, подойдя к Зимину, сорвал её у него с головы и ударил Зимина два раза по лицу. Заметив такой «крупный разговор», содержатель чайной во избежание скандала выгнал поссорившихся во двор, где они, по выражению свидетелей, продолжали «толкаться». Вдруг Зимин ударил пристававшего к нему ножом в живот и скрылся. Раненый с криком упал, а свидетели разбе-

¹⁷ Плис – разновидность хлопчатобумажного бархата с несколько большей, чем у последнего, длиной ворса.

жались.

Когда через несколько времени плавающий в луже крови раненый был поднят дворниками, карманы платья его уже были вывернуты оставшимся неизвестным сострадательным лицом, желавшим оказать ему первоначальную помощь. В бесчувственном состоянии раненый был доставлен в приемный покой, в котором он, не приходя в сознание, через четверть часа и умер.

Кем был убит этот человек, вначале было неизвестно. Разыскивая убийцу, полиция стала обнаруживать¹⁸ и личность убитого и тут натолкнулась на неожиданное затруднение. Документа, удостоверяющего личность покойного, при нём не было, при предъявлении его трупа и снятой с него фотографической карточки хозяевам и жильцам квартир дома Вяземского признать его никто не мог, и поэтому после вскрытия, удостоверившего, что покойный был убит ударом ножа в печень, труп был предан земле.

Вскоре был обнаружен убийца Зимин, который хоть и сознался в нанесении удара ножом неизвестному, но, в свою очередь, не мог дать никаких указаний о личности покойного.

И вот тут произошёл удивительный случай.

Через несколько дней после погребения убитого явилась в полицию старуха, разыскивавшая своего пропавшего сына. В предъявленной ей карточке убитого она признала своего

¹⁸ Выяснять.

сына – глухонемого сапожника Савельева. Признали его по фотографии и брат, и явившаяся на следующий день жена.

Таким образом, убийца был открыт, звание убитого было обнаружено, дело было передано судебному ведомству, и розыски прекращены. Всё обстояло благополучно. Прошёл месяц, как вдруг в полицию является семья Савельевых в полном составе и во главе с живым глухонемым, где-то скрывавшимся в течение всего этого времени. Сходство его с фотографическим снимком убитого было значительное – это был двойник!

В ограблении Тимофеева Зимин и Зеленков присяжными заседателями были признаны виновными и были приговорены к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на поселение. По обвинению в нанесении неизвестному раны, последствием которой стала смерть, Зимин был оправдан присяжными заседателями, вероятно, поверившими объяснению подсудимого, что, нанося удар ножом, он не предполагал, что могут выйти такие дурные последствия. Ограбившие Бурмистрова также были разысканы. Только личность убитого двойника Савельева так и осталась неизвестной.

Старый товарищ^[4]

В одной из лучших гостиниц Петербурга остановился занимавший видный пост в провинции генерал. Приехал он по делам службы всего на несколько дней, был очень занят и поэтому велел денщику никого не принимать.

На второй день приезда рано утром, когда генерал пил кофе и торопливо просматривал бумаги, послышался звонок. Кто-то вошёл в переднюю и вступил в разговор с денщиком. Пришедший говорил громко и не особенно вежливо. Генерал, которому громкий голос резал уши и мешал заниматься, нервно передёрнул плечами и крикнул:

– Сидор!

Вошёл денщик.

– Кто там шумит?

– Желают видеть ваше превосходительство.

– Да ведь я тебе приказал всем объявлять, что я занят и никого у себя не принимаю.

– Так точно, ваше превосходительство. Я и докладывал это. Только они говорят, необходимо сейчас. Нужно очень.

– Кто пришёл?

– Не могу знать, ваше превосходительство. Так что не вольный, а как бы отставной полковник.

– Как фамилия?

– Не могу знать, ваше превосходительство.

– Пошёл, спроси!

– Слушаю-с, ваше превосходительство.

Сидор скрылся в переднюю. Сейчас же оттуда стал раздаваться громкий бас. Велись какие-то длинные переговоры.

– Сидор! – раздался сердитый голос генерала.

Сидор опять появился в дверях.

– Я тебе что приказал?! Спросить только фамилию, а ты разговариваешь. Мешаешь мне только заниматься. Ну!

– Не говорит, ваше превосходительство. Я, говорит, евошний старый товарищ, а фамилии не скажу. Суприз, говорит, генералу желаю сделать.

– Передай, что если не скажет фамилии, не приму. Да и вообще скажи, что я теперь не могу принять – занят. В этих излишних переговорах только время потерял.

– Так, так, так! Так его, старого товарища! Хорошенько его! Гони его к чёрту! – проговорил громким басом крупный мужчина в старой военной шинели, входя в комнату.

– Виноват, – извинился генерал, вставая со стула и изумлённо всматриваясь в незнакомое лицо вошедшего, – я очень занят. Извините...

– Миша, здравствуй! Обними же меня, старого товарища, старого друга!

С этими словами вошедший широко расставил руки и, распространяя вокруг себя сильный запах алкоголя, направился к генералу.

– Извините меня ещё раз, – уклоняясь от объятий, сказал

генерал, – кто вы такой? Как ваша фамилия?

– Не узнал? Не узнаёшь?

– Нет, не узнаю.

Незнакомец театрально покачал головой, опустил её вниз и грустно проговорил:

– Я должен был ожидать этого приёма! А ещё я, старый дурак, думал, что однокашники никогда не забываются. Как, думал, друга и товарища не вспомнить! Это невозможно, казалось мне...

– Да вы скажите вашу фамилию. Я положительно не могу припомнить вашего лица. Если много лет прошло, ничего нет удивительного...

– Конечно, конечно. Много лет, много и перемен. Было два товарища, два друга. Прошло много лет. Всё переменилось. Один – это блестящая карьера, высокий пост, известный генерал. Другой – это отставной полковник, никому не нужный, лишний на свете человек, всеми давно забытый, даже старыми товарищами.

– Но позвольте... Почему вы не хотите сказать вашей фамилии?

– Хорошо. Последняя просьба. Миша, взгляни ещё раз на меня! Неужели не узнаешь меня, старый товарищ?!

– Нет.

– Прощай!

Незнакомец круто повернулся и направился к выходу. Генералу стало как-то неловко.

– Послушайте, – остановил уходившего генерал, – я вас ещё раз прошу сказать вашу фамилию.

Незнакомец остановился.

– Непременно хотите узнать?

– Да.

– Извольте. Я... Впрочем, зачем? Прощай, Миша, навсегда! Больше на этом свете ты меня никогда уже не увидишь!

– Станный вы человек.

– Станный?! Да, это верно. Жизнь – это удивительная штука. Каких она метаморфоз ни делает! Розового, счастливого, весёлого мальчика превращает в разбитого невзгодами странного старика. Станный? Казалось бы, что мне, старому дураку, которому пришлось так много испытать и пережить несчастий, не должно было бы представляться странным, что меня не узнаёт старый товарищ, а между тем... Очень грустно... Больно... Прощай!

– Да кто же вы такой?

– Я... Я... Я нищий!

Генерал сконфузился, торопливо вытащил из бокового кармана тужурки бумажник и протянул двадцатипятирублевую бумажку.

– Нет, Миша, от тебя я не возьму. Я не за этим к тебе пришёл. А, впрочем...

Старый товарищ быстро выхватил бумажку и ещё быстрее направился к дверям.

– Так и не скажете вашей фамилии?

– Теперь, если бы и хотел, не могу сказать. Стыдно!.. Прощай, Миша! Забудь этот случай и не старайся вспоминать о нём. Зачем?! Прощай!

Незнакомец скрылся. Генерал был в недоумении. Как ни напрягал он свою память, но никак не мог припомнить лицо приходившего.

«Может быть, и действительно были когда-то вместе в школе. В таком случае я должен был оказать ему более существенную помощь. Но почему он не хотел назвать своей фамилии? Станный человек!» – раздумывал генерал.

В это время его взгляд упал на часы. Генерал заторопился, переоделся, захватил с собой бумаги и уехал. Погрузившись в дела, он совершенно забыл о визите старого товарища.

Возвращаясь вечером домой, он увидел вблизи подъезда гостиницы толпу зевак. Кто-то шумел и кричал. Появился городской и при помощи дворников стал умирять бушевавшего.

– Не смей меня трогать! Я старый полковник! – послышался зычный голос.

Генералу этот голос показался знакомым. Он остановился в дверях гостиницы и взглянул на кричавшего. Сейчас же он узнал в нём приходившего к нему утром старого товарища. Теперь он был совершенно пьян.

– Меня и в участок! Не позволю! Разве ты не знаешь меня, полковника? Все генералы – это мои товарищи. Генералы, понимаешь? А ты? Ты нижний чин! – кричал пьяный.

– Кто это? – спросил генерал у швейцара.

– Я не знаю. А вот идёт околоточный, я его сейчас кликну.

Тем временем околоточный надзиратель успел распорядиться посадить продолжавшего бушевать пьяного на извозчика и отправить его в управление участка. По зову швейцара околоточный подошёл к генералу.

– Скажите, пожалуйста, – спросил у него генерал, – как фамилия этого несчастного полковника?

– Это, ваше превосходительство, вовсе не полковник. Это отставной канцелярский чиновник, выгнанный за пьянство. Фамилию его я сейчас забыл. Обыкновенно он является к приезжающим военным, выдаёт себя за старого товарища и выпрашивает деньги. Как получит, сейчас и пропьёт. Вероятно, и сегодня какого-нибудь доверчивого провинциала подкузьмил. Прикажете узнать его фамилию, ваше превосходительство?

– Не нужно! – сердито проговорил генерал и быстро зашагал по направлению к своему номеру.

Сапоги^[5]

I

Не проходило дня, чтобы кто-нибудь да не поколотил Ваньку-дурака, деревенского парня лет восемнадцати...

Сын мельника Спиридона – здоровый крепыш семилетний Ваня – был большой шалун. Особенно любил он лазить по деревьям. Однажды взобрался он на дерево чересчур высоко, сорвался и сильно расшибся. Его подняли без чувств, и пролежал он в постели месяца два. Крепкая натура вынесла, и он встал. Физически он совершенно поправился, только умственное развитие его с этих пор приостановилось. В восемнадцать лет он по внешнему виду ничем не отличался от сверстников, по уму же остался семилетним ребёнком. Никакими просьбами и побоями его нельзя было заставить работать. По-прежнему он любил играть с детьми, лазить по деревьям и шалить грубо, по-деревенски.

Вот идёт по деревне баба с ребёнком на руках. Он тихонько подкрадывается сзади и внезапно над самым её ухом вскрикивает диким голосом. Баба от испуга роняет ребёнка. Ванька доволен, хохочет. Баба схватывает первую попавшуюся под руки палку и бьёт Ваньку. На её крик прибегают крестьяне и также бьют его. Ванька с плачем бежит домой.

Там узнают, в чём дело, и, в свою очередь, опять бьют.

Невесела была его жизнь, но он как ребёнок скоро забывал свои слёзы. Не успевала ещё утихнуть боль помятых боков, как уже слышался его весёлый хохот с какого-нибудь дерева. Там ему было хорошо, там он чувствовал себя в безопасности от людей, которых он и боялся, и ненавидел как дикий. Он был грязен, нечёсан и не обращал ни малейшего внимания на одежду. Ему было совершенно безразлично, что у него на теле. Любил он только игрушки, дрался из-за них и отнимал у детей.

Вдруг поведение его резко изменилось. Он стал послушен и тих. Никто не мог понять, что с ним случилось. Крестьяне решили, что он заболел...

Его детское душевное равновесие всколыхнулось от ласки, от настоящей, хорошей, чистой ласки.

Много лет тому назад одна из его родственниц, служившая в городе у господ горничной, уехала с господами в Малороссию и там вышла замуж за хуторянина. Муж умер, и она приехала навестить своих родных. Приехала вместе с ней и её шестнадцатилетняя дочь красавица Маруся. Каждый день с утра Маруся была окружена толпою любопытных. Все желали послушать её мягкий южный говор, посмотреть на её оригинальные малороссийские наряды. На всех производили большое впечатление её безыскусственная простота в обращении, услужливость и истинная доброта.

Через несколько дней после приезда шла как-то Маруся

с парнями по улице. Вдруг откуда-то из-за угла вывернулся Ванька, неожиданно подскочил сзади к Марусе и сильно дёрнул за вплетённую в косу ленту. Маруся вскрикнула. Несколько парней бросились на Ваньку и стали его бить. Ванька заревел. Узнав, что это дурачок, Маруся заступилась за него и, взяв его за руку, посадила рядом с собой на скамейку.

На все её вопросы Ванька не отвечал и с угрюмым лицом дико озирался. Она отёрла его слёзы передником, похлопала рукой по щеке и попросила парней рассказать ей о нём. Длинна была история о диких выходках Ваньки. Во время рассказа он много раз порывался убежать, думая, что его опять будут бить за то, за что уже били не раз, но Маруся, поглаживая его по руке, успокаивала его и не пускала.

Она потребовала от парней дать обещание на будущее время не бить Ваньку. Ему же сказала, что она всегда будет за него заступаться.

– Если же ты, – добавила она, – не будешь обижать детей и перестанешь всех пугать и придёшь ко мне умытый и причёсанный, я тебя поцелую.

Начиная со следующего дня чистый и скромный Ваня каждый день являлся к Марусе за поцелуем. Он не отходил от неё, смотрел ей в глаза и беспрекословно исполнял малейшее её желание. Старики хвалили его, а парни величали женихом Маруси. Это название ему очень нравилось.

Молва о красоте и оригинальности Маруси не прошла для

неё бесследно. Через два месяца она была уже невестой помощника волостного писаря. Невеста стала часто ездить в соседнее село в гости к родне жениха. Забытый Ванька сидел на скамеечке молча, опустив голову.

— Эх ты, Аника-воин! — смеялись над ним парни. — Прозевал свою невесту. Увезут её совсем, и больше никогда не увидишь. А всё это только оттого, что ты босой ходишь. Вот если бы у тебя были такие сапоги, как у писаря, она не изменила бы тебе и за тебя вышла бы замуж.

Крепко засели эти слова в уме Ваньки. Когда отец стал собираться ехать в город, Ванька неожиданно попросил купить ему сапоги.

— Сапоги? — изумился отец. — Зачем тебе сапоги?

— Замуж за себя Марусю хочу взять...

Долго и неудержимо хохотали все домашние, хохотала затем вся деревня.

II

Возвратился Спиридон из города, привёз разную мелочь, привёз и сапоги, только не для Ваньки, а для себя. Давно он собирался купить себе особые сапоги, в которых можно было бы ходить по болоту около мельницы. В этот год мельница хорошо работала, он сколотил кое-что и купил себе охотничьи сапоги.

Сапоги эти произвели громадное впечатление на Ваньку.

Парень долго молча смотрел на них и бессознательно потянулся за ними. Отец быстро вырвал сапоги у сына и пригрозил выдрать его вожжами.

Через несколько дней Ванька улучил минуту, стащил сапоги, надел их и отправился гулять к избе, в которой жила Маруся. Спиридон исполнил своё обещание и сильно постегал Ваньку ремёнными вожжами. Урок этот прошёл для Ваньки совершенно бесследно. По-видимому, думал он только об одних сапогах. Он не шёл гулять, сидел дома и караулил. При первой возможности он хватал сапоги, надевал их и шёл гулять. Завидев издали приближение отца, он убежал в лес. По возвращении домой по нему разгуливали вожжи. Наконец Спиридону надоело бить сына, и он стал запирать сапоги в чулане под замок.

В конце лета справляли свадьбу Маруси. Почти вся деревня ушла в соседнее село смотреть венец. Спиридон и все его домашние как родня невесты отправились всем домом. Чтобы не оставлять Ваньку одного, его взяли также с собой и избу заперли замком.

В церкви Ванька долго и упорно смотрел на сапоги жениха и потом незаметно скрылся.

Поздно вечером возвратилась домой семья Спиридона. В избе одна из рам в окне была выставлена, дверь в чулане разломана, и сапоги были похищены. Всё остальное имущество было не тронуто. Ясно было, что сапоги взял Ванька. С ругательством Спиридон отправился за вожжами, но и их не

нашёл. Вожжи также исчезли.

Было уже совершенно темно, а Ваньки всё не было. Кто-то из соседей сообщил, что видел Ваньку издали в лесу. Искать его отправились несколько человек во главе с отцом. Когда подходили к опушке леса, слышался подозрительный шум.

– Ванька! – закричал Спиридон. – Выходи. Всё равно выпорю!

Ответа не было.

– Эй, Ванька, выходи лучше добром, не то хуже будет! – постепенно разгораясь, кричал Спиридон. – Ты думаешь, что вожжи взял, так и пороть тебя нечем будет? А вот я тебя сначала этой палкой изобью, а потом вожжи на шею намотаю, да и повешу на сук тебя, чтобы не лазил больше по деревьям! Давай сюда сапоги! Слышь, ты! Кидай сапоги, тебе говорят! Сам же можешь убираться ко всем чертям!

Послышался треск сучьев, топот убегающего человека вглубь леса, и затем всё стихло. Спиридон кричал напрасно, Ванька не возвратился.

Все были уверены, что он под утро будет дома. Однако он не показывался. На третий день искать его стали целой деревней, но безуспешно. Ванька исчез бесследно.

III

Прошло недели три. В селе в волостном правлении судеб-

ный следователь допрашивал свидетелей по делу об убийстве. Здесь же были уездный врач и становой пристав. Неожиданно явился с докладом к становому приставу сотский в сопровождении пастуха.

– Вёрст за шесть отсюда, – рассказывал пастух, – вчера я пас стадо около леса. Вошёл я в лес и вдруг вижу: собачка потянула носом, потянула и пошла. Я за ней. Слышу – здорово падалью пахнуть стало. В самой глуши есть большая осина. Высоко под самой макушкой висит человек. Как есть, мёртвый и чёрный. И как он туда взобрался так высоко, один Бог ведает!

Тотчас же явилось предположение, что это исчезнувший Ванька.

Часа через два из села ехал целый кортеж. Впереди – становой пристав, судебный следователь и уездный врач, сзади – сельские власти и понятые, а за ними Спиридон и любопытные. На расстоянии вёрст пяти от деревни начинался большой лес. Здесь слезли и пошли пешком.

Было жарко. Лес манил своей прохладой. В лесу дышалось легче, полной грудью. Аромат цветов и душистый запах сосен приятно щекотали ноздри. Но вот лёгкий ветерок принёс откуда-то небольшую тонкую струйку какого-то неприятного запаха. Чем дальше шли, тем запах этот становился сильнее. Скоро он заглушил собою всё, заполнил весь лес.

Среди небольшой прогалины между соснами стояла одинокая громадная осина. К одному из верхних сучьев был

привязан конец длинных ремённых вожжей, на другом конце которых висел труп человека. Хотя ноги его доходили почти до середины осины, но всё-таки труп был на расстоянии не менее четырёх сажень¹⁹ от земли.

Добраться до трупа было очень трудно. Только при помощи двух человек удалось одному из понятых долезть по гладкому стволу до первых сучьев. Кое-как добрался он до трупа и крикнул, что дальше лезть он не может... Тогда понятому подали верёвку, которой он обвязал труп, перерезал над головой вожжи и спустил труп вниз.

Спиридон и понятые признали в покойном Ваньку по общему виду, по платью и сапогам, но только не по лицу. Это было отвратительная чёрная масса; вид всего трупа был ужасен.

Не было никакого сомнения, что в данном случае было самоубийство. Втащить на дерево на такую высоту ни живого, ни мёртвого человека не представлялось никакой физической возможности. Прикрепить конец вожжей около самой макушки осины мог только сам Ванька, привыкший лазить по деревьям как кошка.

Причины самоубийства ни Спиридон, ни понятые не могли объяснить.

– Он вообще был глуп как малый ребёнок, – говорили они, – всегда был дураком и озорничал шибко. В последнее же время, последние месяцы, стали примечать, что он болен.

¹⁹ 1 сажень равна 2,13 метра.

Смирный такой стал, тихий. Заболел, значит...

Ввиду отсутствия наружных знаков насилия и несомненности самоубийства становой пристав разрешил похоронить труп, так как врач за сильным разложением отказался производить вскрытие.

Отец подошёл к покойнику и стал стаскивать с ноги сапог. Он не поддавался. Труп разбух, и тело приросло к сапогу. Спиридон понатужился и стащил сапог вместе с приставшей к нему кожей и сгнившими кусками мяса.

– Что ты делаешь? – крикнул на него судебный следователь.

– А сапоги снимаю, – ответил невозмутимо Спиридон, – это ведь мои новые. Он украл их... Только вот почистить их немного придётся...

– А ты тёплой водицей, – посоветовал понятой.

Судебный следователь быстро зашагал от трупа.

Уездный врач проводил грань между сумасшествием и ненормальностью умственных способностей от рождения; судебный следователь возмущался некультурностью; становой пристав говорил о бедности и малотребовательности крестьян. Спиридон жаловался, что сапоги изопрели, и мысленно решал непременно срубить осину, чтобы достать конец вожжей. Понятые и остальные торопились в деревню, чтобы поскорее обо всём рассказать. Только одному Ваньке теперь было решительно всё безразлично. Ему уже больше не приходилось ждать побоев. Он лежал спокойно.

Умирающая^[6]

Вечером на Французской набережной²⁰ господин средних лет в изящном, модного покроя пальто и цилиндре подходил к подъезду одного дома. Навстречу ему шла бедно одетая девица с книжкой в руке. Господин взглянул на неё и отвернулся.

– Уф, какая некрасивая! – пронеслось у него в голове.

Вдруг девица зашаталась и медленно стала падать. Тотчас же господин подбежал к ней и подхватил её.

– Что с вами? – участливо спросил он.

– Мне дурно... Воды! Пожалуйста, воды!

С помощью швейцара девица была введена в переднюю и посажена на стул. Отхлебнув глоток воды, поданной швейцаром, больная бросила благодарный взгляд на господина и слабым голосом проговорила:

– Благодарю вас, милостивый государь. Будьте так добры, отвезите меня домой. Я чувствую, что умираю.

– Извините, сударыня, я не могу. Вот швейцар позовёт дворника, и тот отвезёт вас.

– Не оскорбляйте меня, больную женщину. Я курсистка. Если меня повезёт дворник, по нынешним временам подумают, что я арестованная преступница. Неужели вы так относитесь к молодёжи?

²⁰ Ныне набережная Кутузова.

– Но... Я не располагаю своим временем.

– А всё-таки я по вашему лицу вижу, что в действительности вы добрее, чем стараетесь казаться. Вы как порядочный человек, сознательный интеллигент не захотите унижить интеллигентного товарища – женщину. Не думаю, чтобы ваша платформа была такая черносотенная.

– Чем только могу, я готов оказать помощь с удовольствием, но поехать с вами...

– Вы хотите сказать, что вам неприлично ехать с женщиной, у которой такой бедный костюм? Не ожидала я этого от вас. Послушайте, мне теперь несколько лучше. Выйдем на улицу. Я должна вам кое-что сказать, но при швейцаре не могу.

Вышли на улицу.

– Я признаюсь вам откровенно. Я умираю... От голода. Я три дня не ела...

Господин поспешно протянул руку в боковой карман за бумажником.

– Нет, нет! Денег я не возьму. Вы накормите меня где-нибудь. Вот извозчик... Поедьте... Дорогой расскажу.

Господин некоторое время постоял в нерешительности и затем подозвал извозчика. «Человек я холостой и свободный. Временем располагаю. Чем я рискую?! Отчего не помочь несчастной?» – подумал он.

– Куда прикажете? – спросил извозчик.

«Ну, в ресторан я с такой не поеду, – решил он, – лучше

на нейтральной почве. На вокзал какой-нибудь».

– На Царскосельский вокзал²¹, – приказал он извозчику.

– Позвольте узнать, как вас зовут? – спросила девица.

– Николай Николаевич.

– Меня – Нина Александровна. Я сирота. Живу одна. Хожу на курсы и даю уроки. Теперь летом без занятий и без уроков. Ходила на Васильевский остров на 22 линию к подруге и не нашла её. Уехала куда-то. Достать денег негде. Устала и... Есть хочу. Извините, но больше говорить не могу... Опять слабость...

Николай Николаевич молчал. Он был очень недоволен собой. «И нужно же было мне поехать с ней, – ругал он себя мысленно, – кто её разберёт, правду ли она говорит? Как-то инстинктивно чувствуется, что она лжёт. Уж сколько раз, благодаря этой излишней доброте и доверчивости, попадал я в неприятное положение. Надо было дать денег, посадить на извозчика и уйти. Ну да теперь поздно рассуждать».

Наконец и вокзал. Вошли в столовую. Николай Николаевич велел подать карточку.

– Так как вы долго не ели, вам нельзя много есть сразу, – сказал Николай Николаевич, входя в роль милосердного самаритянина, – прежде всего, подайте бульон.

– Я не буду есть бульон.

– Ну уж, извините, я хотя и не доктор, но отлично знаю, что можно в таких случаях и чего нельзя. Бульон необходим.

²¹ Ныне Витебский.

Должны есть. Итак, бульон, а затем... Затем рябчик.

– Закажите лучше бифштекс.

– Ни за что! Нельзя. Бульон и рябчик. А пока можно маленький кусочек ветчины.

Поданная ветчина была быстро проглочена. Подали бульон. Нина Александровна сняла кофточку. Под нею оказалась ситцевая блуза с какими-то белыми полосами. Николай Николаевич испуганно оглянулся. «Ещё кто-нибудь знакомый войдёт. Вот будет история! Станут рассказывать, сплетничать. Ну, и попался же я!» – раздумывал он.

Нина Александровна глотала с жадностью. Он хотел было сделать замечание, что нужно есть медленно, не сразу, но промолчал... «По крайней мере, скорее окончит есть, и я уйду», – эгоистично подумал он.

В это время в столовую вошли два студента в новеньких мундирах.

– Белоподкладочники, пшюты²²! – громко сказала Нина Александровна.

– Послушайте, я вас прошу замолчать! – возмутился Николай Николаевич. – Если вы будете скандалить, я уйду. Вошли приличные молодые люди и воспитанные. Я это утверждаю, потому что они и вида не показали, что слышали ваши слова. Вы же без всякой причины начинаете ругаться.

– Не выношу таких франтов.

– Разве заслуга – дурно, грязно одеваться?

²² Франты.

– Я не люблю и таких, как вы.

– Благодарю за откровенность. В таком случае и я буду откровенен. Я думал, что вы дурно одеты, потому что вы бедны, а теперь думаю, что если бы у вас и были деньги, вы были бы... Всё-таки...

Николай Николаевич остановился, подыскивая слово, которое не было бы особенно резким.

– Неряшливы, – быстро закончил он, заметив, что Нина Александровна разрывает поданного ей рябчика руками.

Не успел он это проговорить, как в столовую вошли два офицера. Завидев Николая Николаевича, они быстро подошли к нему, но, взглянув на сидевшую вместе с ним девушку, которая пальцами запихивала в рот куски рябчика, изумлённо пожали плечами, улыбнулись и, пожав ему руку, молча ушли. Николай Николаевич покраснел и сердито позвонил.

– Сколько следует? Получите. Прощайте.

– Куда же вы? Я хочу сказать вам несколько слов.

– Благодарность? Не нужно. Очень жалею, что поддался чувству сострадания, жалости. Не думал я, что вы такая скандалистка. Прощайте!

Проговорив эту фразу, Николай Николаевич быстро направился к выходу. Нина Александровна бросилась вслед за ним.

– Простите меня. Извините мою резкость. Я привыкла открыто высказывать свои мысли и взгляды, – говорила она, догоняя его.

Николай Николаевич молча приподнял цилиндр и прибавил шаг.

– Послушайте. Больше я вас беспокоить не буду, но помогите мне. Мне совестно говорить, но меня гонят с квартиры. Я должна за комнату за месяц и за месяц нужно вперёд.

– Сколько?

– Не думайте дурно обо мне. Я вам расскажу мою жизнь...

– Сколько, я спрашиваю вас?

– По пятнадцать рублей в месяц.

Николай Николаевич быстро достал деньги, отдал их и вскочил на извозчика, не переставая ругать себя.

Дня через три, едва он вошёл в гостиную к знакомым, как хозяйка встретила его словами:

– А скажите-ка мне, Николай Николаевич, с какой это вы замечательно элегантной красавицей ужинали на вокзале?

– А вам уже известно? Это целое приключение. Иду я и встречаю на улице девицу, которая шатается и падает...

– Так вот это кто! – перебила его хозяйка. – Позвольте мне дальше самой продолжать. Она сказала, что умирает от голода, три дня не ела и что её выгнали из квартиры.

– Откуда вы это знаете?

– Мама, представь себе, и Марья Ивановна так же попала, как и ты, – перебила их разговор, входя в комнату, девятнадцатилетняя дочь хозяйки, – здравствуйте, Николай Николаевич. Вы знаете... Нет, вы ещё не знаете. Я вам расскажу. Мама на днях встретила умирающую курсистку, да-

ла ей денег, а потом оказалось, что это совсем не курсистка, а так какая-то... Это возмутительно! Не правда ли? Совершенно напрасно нападают на учащуюся молодёжь. Если что-нибудь скверное сделают, всегда оказывается потом, что это не курсистки, самозванки. Согласны со мной? Я только что была у Марьи Ивановны, и она рассказала мне ту же историю с умирающей от голода. Она тоже попалась.

– Попался и Николай Николаевич, – сказала мать, – хотя он несколько вознаграждён, так как имел приятное удовольствие поужинать с ней.

– Как, и вы?! Ха-ха-ха!

– И я!

Вор^[7]

Летняя жаркая ночь, такая жаркая и душная, какая изредка бывает только в Петербурге. Полное отсутствие ветра. От горящего на улицах в железных печах для исправления мостовой асфальта дым стелется удушливыми клубами между накалившимися от солнца и не успевшими остынуть каменными стенами домов. Почти во всех домах открыты окна. Наглухо заперты только магазины.

На бойкой улице в одном из магазинов лежал на лавке, ворочаясь с боку на бок, приказчик Петров. Он пыхтел, отдувался и не мог уснуть и от давившей его духоты, и от теснившихся в его голове мыслей. Перед ним проносились вся его жизнь, в которой так мало счастья пришлось ему испытать. Родителей своих он не помнил – они умерли, когда он ещё был маленьким. Все детские воспоминания сводились к тому, что пришлось ему перенести в то время, когда он назывался мальчиком на побегушках. С утра до ночи он должен был бегать то в лавку, то в трактир, получая в награду за труды одни колотушки. Ел плохо и спал чуть ли не под скамейкой. Тяжёлое было время! Юношей он проводил целые дни в магазине, подавая товары приказчикам и закрывая его для покупателей. Когда наконец достаточно перенял от приказчиков науку, как надо заговаривать зубы покупателям, он получил скромное содержание и звание младшего

приказчика.

Прошло несколько однообразных лет, и светлая полоса счастья неожиданно прорезала его жизнь. Он влюбился и женился. Приглянулась ему очень жившая у господ в одном с ними доме горничная. Он познакомился с ней, и месяца через два была уже и свадьба.

Все товарищи его находили, что он женился глупо. Должен был взять капитал и открыть свою торговлю. Говорили, что жена неподходящая и по физическим качествам. Купчиха должна быть дебелая, рослая, ширококостная, а тут какая-то пигалица.

Он же был счастлив. Капитал он надеялся нажить своим трудом. Что же касается её внешнего вида, то она ему и приглянулась потому только, что была такая нежная, беленькая, маленькая и худенькая.

Счастливые дни промелькнули как сон. Жену он холил, нежил и берёг как тепличное растение. Но что может сделать простой смертный против повеления судьбы? Жена родила ему сына и умерла.

Горе Петрова было велико! Он дал себе слово больше никогда не жениться и всю свою жизнь посвятил сыну, на которого он перенёс всю свою любовь.

Большое было для него горе смерть жены, но впереди его ждало ещё сильнее. Сын его был весь в мать – маленький, худенький, слабенький. Поэтому внимание отца было обращено исключительно на его здоровье. Когда сын стал

подрастать, приглашён быть учитель. Мальчик оказался способным и скоро был принят в гимназию. Отец вздохнул свободно. Стал думать, что сын в люди выйдет. Увы, мечты разлетались безвозвратно! Отсутствие домашнего надзора скоро сказалось. Пока отец сидел в магазине, сын бегал по улицам с товарищами, противоречить которым как слабовольный он не смел. Несмотря на свои хорошие способности, он стал оставаться в классах по два года и, наконец, в шестнадцать лет был изгнан из гимназии. Крутых мер отец не принимал. Любовь к сыну была слепая, да и к тому же сын всегда каялся, скромно просил прощения, давал обещания исправиться.

Покончив с учением, сын стал искать службы по письменной части, к торговле он был неспособен. Через некоторое время ему удалось пристроиться в управление одной из железных дорог.

Радость отца была непродолжительна. Здесь товарищи у сына были хуже гимназических. Скоро сын выучился в карты играть, кутить, пьянствовать. Недолго пришлось ходить ему в форменной фуражке и гордо величать себя чиновником — выгнали.

Через неделю сын объявил, что получил должность в Москве, и уехал. Прошло два года. Отец за это время много раз наводил справки о сыне, но разыскать его не мог. Одно только и узнал, что в Москве его не было. Вдруг он внезапно явился к отцу. Испитой, дерзкий, нахальный. На вопросы

отца, где был и чем занимался, ответа не дал.

– Ох, горе мне, горе! – вздыхал Петров. – Сам я виноват. Слаб был, выпустил вожжи из рук, присматривал мало. Некогда было, работой был занят, деньги копил. А кому нужны эти деньги? После моей смерти сын в два дня прокутит всё, что копилось годами. После смерти. Да ведь ещё неизвестно, кто раньше умрёт. Сын такой слабый, больной... Нет, нет! О, Господи, не дай мне ещё нового горя – пережить сына! Ведь я люблю его. Может быть, он исправится, настоящим человеком станет. Как хорошо мы заживём с ним вдвоём. И где он теперь? Куда пропал? Сказал, что уезжает к товарищу на три дня. Скучно дома стало без него. Ночевать даже дома не захотелось. А тут, кстати, ночные дежурства в магазине устроили. Воры часто пошаливать стали... Однако, что же это такое?

Петров вскочил. Уже в течение нескольких минут он слышал какой-то странный скрип на потолке. Сначала он думал, что это крыса. Теперь же посыпалась известь. Петров зажёл спичку и взглянул на потолок. Там была какая-то движущаяся точка, которая постепенно увеличивалась.

«Коловорот! Воры! – мгновенно сообразил Петров. Он хотел было броситься к дверям, закричать... И остановился. – Двери заперты снаружи, – соображал он, – кругом спят и криков не услышат. Спугну воров только. Не побоюсь же я их. Силой, слава богу, не обижен. Живо скручу. Пусть влезет только».

Он тихо подошёл к углу, взял свою палку и спрятался за прилавком. Скоро скрип прекратился, коловорот убрался обратно. Появилась небольшая светящаяся точка, которая опять потемнела. Слышно было, что в отверстие просунут какой-то предмет, который с шумом раскрылся. Пошла затем усиленная работа. Отверстие расширилось. При свете мелькавшего из отверстия огня Петров разглядел, что в воздухе висит раскрытый дождевой зонтик, в который бесшумно падали известь, штукатурка и куски кирпича. Зонтик приподнялся. Появившиеся в отверстии руки выбрали из него содержимое, сложили его и втянули к себе. Через минуту в отверстие скользнула толстая верёвка, конец которой глухо ударился о пол.

Петров вздрогнул. Пальцы судорожно сжали палку. Какая-то тонкая фигура с маленьким велосипедным фонариком на груди и небольшим ломом за поясом спустилась вниз и направилась к кассе. Послышались удары ломом. Петров с высоко поднятой палкой выскочил из-за прилавка. Вор быстро повернулся и замахнулся ломом. Послышался свист рассекавшей воздух палки. Получив удар палкой по голове, вор глухо вскрикнул и упал навзничь. Петров подскочил, замахнулся ещё раз и... Вдруг остановился. Он побледнел, зашатался; палка выпала из рук. Он как-то осел и бесшумно опустился на пол рядом с лежавшим вором. При свете фонаря он узнал сына!

В продолжение нескольких минут Петров лежал без дви-

жения. Мысли путались у него в голове. Наконец, стоны сына привели его к полному сознанию.

– Сын... – проносится у него мысль. – И он замахнулся на меня ломом... Мог убить меня, отца своего!.. Ужас!.. Однако он больше не стонет. Неужели я его убил! Своего сына!.. Боже, не допусти! Помилуй! Сохрани его жизнь.

Петров схватил сына за руку. Послышался опять стон.

– Сеня, это ты? – с усилием проговорил Петров.

– Прости, отец!.. Больно... – слабым голосом ответил сын.

– Больно?! А мне, ты думаешь, не больно? Может быть, больнее, чем тебе. Ударил ты меня без ножа прямо в сердце. Ты... Ты, Сеня, вор!

– Прости... Товарищ подбил... – сквозь стоны ронял слова сын.

– Тише! Перестань стонать, услышать могут. Не стоишь ты, чтобы жалеть тебя, но ради твоей покойной матери спасу тебя... Тебя ведь ждут суд, тюрьма... Нет, не допущу!.. Ты сейчас что-то сказал о товарище. Где он?

– Там, наверху. Мы наняли квартиру...

– Там, вероятно, никого уже нет. Такие товарищи помощи не окажут, сейчас убегут. Однако скорей поднимайся и полезай назад, пока народ не проснулся. Когда придут, скажу, что помешал вора и никого не видел. Вот, возьми деньги и уезжай из Петербурга. Потом когда-нибудь напишешь... Потом и я напишу... Время надо, чтобы я мог позабыть всё это. Ну, поднимайся же скорей!

С этими словами он приподнял сына. Тот едва держался на ногах, шатался, взялся было за верёвку и бессильно опустил руку.

– Ах ты, Господи! Вот грех какой! Надо же было мне так сильно хватить! Ну, садись, отдохни. Я сейчас устрою.

Петров схватил стол, поставил его против отверстия в потолке, влез на него и, подняв сына, поднёс к отверстию. С большим трудом протиснулся вверх Семён и, наконец, исчез. Отец стоял и ждал.

– Прости ещё раз, отец! Ухожу, – слышался слабый голос сына.

– Прощай.

Некоторое время отец продолжал ещё стоять на столе и напряжённо прислушиваться; потом как-то машинально слез со стола, провёл рукой по глазам, из которых катились слёзы, и вдруг с глухим рыданием повалился на пол.

Пиф-Паф^[8]

Лето. Вечер. В одном из увеселительных садов за большим столом сидит группа студентов. Одни пьют чай, другие – пиво. Ведутся горячие споры и разговоры, заглушаемые оркестром.

До публики долетают лишь отдельные слова: президиум, платформа, всеобщая прямая, равная, тайная и т. п. Из толпы выделяется мужчина средних лет с большими рыжими усами в студенческой фуражке и, слегка пошатываясь, подходит к столу.

– Извините, коллеги, что, не будучи знакомым... – говорит он. – Позвольте присесть. Моя фамилия Пиф. Хотя и английская, но я лично русский человек. Я и выпил порусски, с горя. Вообще, времена тяжёлые. Только и остаётся утешаться вином. У меня же ещё и частное, собственное горе. Жена сбежала. Извините за откровенность, но студент Пиф всегда откровенен. Душа нараспашку. Человек! Чаю... С чем? Конечно, с лимоном и коньяком! Только подавай не простой сиволдай, называемый когнаком, а настоящий финьяшампань²³. Понял?! Живо!

Потребовав чаю, Пиф замолчал и некоторое время сидел молча, нахмутив лоб; потом стал вставлять короткие заме-

²³ Коньяки из двух наиболее престижных регионов: Grande Champagne и Petite Champagne.

чания в возобновившийся общий разговор и под конец говорил уже со всеми как старый знакомый. Когда лакей подал ему стакан чая, бутылку коньяку и одну рюмку, он велел подать рюмки для всех. Студенты запротестовали, но рюмки были поставлены, и коньяк разлит. Сначала выпил сидевший рядом с Пифом, а потом как-то незаметно выпили и другие. Пока говорили и пили, Пиф успел съесть бифштекс. Когда был подан счёт, Пифа не оказалось. Он незаметно исчез. Студенты вытащили свои тощие кошельки и уплатили за бесцеремонного Пифа.

Прошло несколько дней. В квартиру одного из бывших в саду студентов явился незнакомый студент и спросил, дома ли жилец. Прислуга ответила, что студент ушёл на уроки и возвратится часа через два, не раньше. Пришедший заявил, что будет его ждать. Вышла квартирная хозяйка. Студент раскланялся.

– Позвольте познакомиться, – начал он, – я товарищ вашего жильца. Я его только что встретил. Он обещал возвратиться. Нам надо переговорить с ним. Он пошёл только сказать, что сегодня уроков давать не будет. Моя фамилия Пав. Вам это кажется странным? Видите ли, я хохол, и моя фамилия, собственно, Пава. Ну, сами посудите, какая же пава может быть с такими усами? Если бы я был женщиной, тогда, конечно, пава, а так как я мужчина, т. е. самец, значит, я Пав. Ха-ха-ха! Позвольте присесть. Да, лучше позвольте мне посидеть в его комнате. Он сейчас придёт.

Проводив в комнату жильца весёлого гостя и поговорив с ним несколько минут, хозяйка вышла из комнаты. Прошло около четверти часа. Гость заявил, что товарища, вероятно, задержали, и поэтому он написал ему письмо и ушёл.

Часа через два возвратился домой жилец. Встретившая его хозяйка сейчас же сказала, что товарищ его Пав долго ждал его и, не дождавшись, оставил письмо.

– Пав? Какой Пав! У меня такого товарища нет.

– Как нет? Он сказал, что встретился с вами и вы велели ему обождать, что вы сейчас же возвратитесь с урока.

– Я ни с кем не встречался и ни с кем не разговаривал. Странно...

Жилец быстро вошёл в свою комнату и бросился к письменному столу. Заметив полуоткрытый ящик, он выдвинул его и схватил свою записную книжку.

– Послушайте! – закричал он. – Кого вы впустили?! Он украл лежавшие в записной книжке тридцать рублей, которые я получил вчера за уроки. Кто это был?!

В это время его взгляд упал на лежавший на столе исписанный лист бумаги:

«Коллега! – писал неизвестный. – Вы, вероятно, ещё не забыли нашу встречу в саду? Благодарю, кстати, за угощение, коньяк был чудесный. Бифштекс похвалить не могу. Напоминал подошву. Это, впрочем, в скобках. Приступаю к делу. Вы так тогда хорошо говорили, что ваши слова проникли мне в душу. Семя упало на добрую почву и, как вы сейчас

убедитесь, если уже не убедились, принесло плоды. Чтобы доказать вам, что я вполне и сознательно понял вашу платформу, разберём её по пунктам.

Положение первое: прямая.

Я прямо отправился к вам, а не к кому-либо другому, и прямо, и откровенно рассказываю, что совершил, пользуясь вашим отсутствием.

Положение второе: всеобщая.

Всеобщее я понял так, как следует понимать всякому благонамеренному гражданину, а именно: всё общее. Поэтому, разумеется, вы не имеете никакого права пользоваться одними имеющимися у вас деньгами. Лежавшие у вас в записной книжке тридцать рублей... Кстати, советую вам приобрести бумажник и на будущее время не оставлять деньги в незапертом ящике... Эти тридцать рублей, говорю, несомненно, на основании ваших же слов, общие. Поэтому я их и взял на общее дело.

Положение третье: тайная.

Чтобы быть последовательным и до конца осуществить вашу платформу, я деньги взял тайно.

Подписываюсь же явно: Пиф-Паф.

P.S. Не советую обращаться к полиции. Вы сами понимаете, что вам лучше быть подальше от неё. Если меня призовут, я сейчас же откровенно расскажу всё, что вы говорили и о платформах, и о багаже этих платформ. Вы ведь красненький! Ой, ой, ой, какой красненький! Молчите лучше!»

– Что пишет товарищ? Обещает возвратить деньги? – спросила хозяйка.

– Какой это товарищ? Это даже и не студент, а просто мазурик! Много теперь всякого сброда переодевается в студенческую форму и выдаёт себя за студентов... Приходится иногда слышать о разных некрасивых историях, проделываемых студентами. Поверьте, что в таких случаях виновниками бывали такие же, как и этот, переодетые хулиганы, а не студенты. Однако надо заявить полиции. Может быть, разыщут. Хотя этот подлец и грозит мне доносом, но я не боюсь. Ни к каким крайним партиям я не принадлежу.

Пиф-Паф полицией разыскан не был.

Живые-мёртвые (Из области таинственного)^[9]

I

– У тебя сегодня будет медиум. Будет сеанс. Непременно приду к тебе. Приходилось и читать, и слышать о столоверчении, материализации и т. п., на сеансах же я никогда не бывал. Интересно посмотреть.

– Ты ошибаешься. У меня будет не спиритический, а оккультный медиум.

– Разве это не одно и то же? Понятия не имею. Объясни.

– Приходи к 9 часам вечера, и тогда я тебе объясню, теперь же не могу, тороплюсь на службу. Только я считаю своим долгом на правах старого товарища откровенно сказать тебе, что я боюсь, как бы сеанс этот не повлиял дурно на твои нервы.

– Во-первых, я совершенно здоров. Во-вторых, никакими спиритизмами и оккультизмами не занимался, отношусь ко всем этим бредням критически и просто хочу поразвлечься и провести последний вечер в Петербурге у старого товарища. Я ведь уже завтра уезжаю домой, в деревню.

– Ну, хорошо. Я жду тебя. Пока до свиданья.

Разговор этот происходил на Невском проспекте между старыми товарищами по университету.

Один из них, Василий Иванович Белов, был коренной петербуржец. Он был профессором одного из высших учебных заведений и пользовался известностью своими научными трудами. В семейной жизни он был несчастлив. Жена, с которой он прожил несколько лет, неожиданно для него бросила его и уехала с кем-то за границу. Детей у него не было. В карты он не играл, кутежей не любил, и поэтому одиночество действовало на него подавляюще. От скуки по вечерам он стал ходить в гости. Случайно в одном доме он встретился с адептом спиритизма, разговорился с ним и тотчас же принял приглашение на спиритический сеанс. Увлечшись спиритическими теориями, он всё свободное время посвятил изучению сначала спиритических явлений, а потом и оккультных наук. Через год он уже считался известным оккультистом. По вечерам в его квартире постоянно бывали сеансы.

Товарищ его Илья Петрович Берёзов постоянно жил в своём имении в одной из южных губерний, хозяйничал, занимался земскими делами, изредка наезжал в Петербург. Ему было под сорок лет, и он был холост. В настоящее время он был женихом.

За несколько месяцев до описываемых событий дочь его ближайшего соседа, Якова Степановича Зубова, Мария восемнадцати лет окончила институт и поселилась у отца в деревне.

При первой же встрече красавица Машенька очень понравилась Берёзову, но он смотрел на неё как на девочку. Постоянные встречи как близких соседей скоро дали им возможность ближе узнать друг друга. Берёзов постепенно, незаметно для себя стал увлекаться Машенькой. Не говоря уже об её внешности, ему нравился и чудный её характер, и её шаловливость, и наблюдательность, и ум. Через несколько времени он начал сознавать, что он в первый раз в жизни влюбился серьёзно. Он испугался и стал раздумывать о своём увлечении. Стараясь убедить себя, что по годам он ей не пара, он решил сразу покончить со своим глупым увлечением и с этой целью поговорить с Машенькой.

Гуляя по саду, он начал говорить о том, что всё в нашей жизни не прочно и преходяще. Теперь он очень доволен, что гуляет с ней, а через несколько времени он и этого маленького удовольствия будет лишён.

— Это почему? Вы уезжаете? — спросила она.

— Нет, я никуда не уезжаю, но не вечно же вы будете сидеть здесь, в деревне. Скорее, чем вы думаете, у вас появится жених, и вы выйдете замуж.

Машенька покраснела.

— Вы, может быть, уже знаете его? — после некоторого молчания робко спросила она.

— Да какой-нибудь молодой человек...

— Уж не собираетесь ли вы посватать меня за какого-нибудь вечного студента? За очень молодого я не выйду замуж.

– Не за старика же вам выходить!

– Не хитрите, Илья Петрович. Я прекрасно понимаю, почему вы начали этот разговор. Говорите лучше правду. Вы, вероятно, в кого-нибудь влюбились и собираетесь жениться, но пока желаете держать это в секрете. Теперь вы и придумываете, что бы вам сказать, как бы объяснить, что вы не можете бывать у нас так часто.

Илья Петрович горячо стал отрицать это предположение и, увлѣкшись, неожиданно объявил, что он всей душой любит только её одну.

Машенька протянула ему руку и серьёзно ответила, что и она его любит.

В тот же день они были объявлены женихом и невестой. Через месяц Берёзов отправился устраивать свои денежные дела в Петербург, где и прожил недели две. За это время он раза два заходил к своему старому товарищу Белову и, как мы видели, встретился с ним на улице накануне своего возвращения домой.

II

В 9 часов вечера Берёзов был уже у Белова.

– Я должен тебя предупредить, – сказал Белов, – что я ещё не знаю, можешь ли ты присутствовать на сеансах или нет. На них могут бывать только те, у которых души оккультные, и те, которые искренно верят в существование Бога.

– Я верующий, но оккультная ли у меня душа, не знаю.

– Об этом нам скажет медиум. Мы его спросим перед сеансом. Ему нужно будет только назвать твоё имя, отчество, фамилию и возраст. Когда он впадёт в транс, он, если ты оккультист, напишет твоё оккультное имя, которое ты носил когда-то в прежней жизни.

– В прежней жизни!?

– Одно из оснований оккультизма – это вера в перевоплощение, в возможность жить несколько раз.

– Я полнейший профан в этих верованиях. Ты обещал мне объяснить разницу между спиритизмом и оккультизмом.

– Изволь. Многие европейские учёные теперь признают, что в человеке, в одном больше, в другом меньше, но решительно в каждом, есть электричество. При особенной возбуждённости нервной системы, когда человек находится в экстазе, трансе или когда он загипнотизирован, выделяемое им электричество в виде светящегося тумана становится даже видимым. Это доказано, между прочим, и фотографией. Поэтому с учёной точки зрения во время спиритических сеансов все явления: постукивание в столе, поднятие стола на воздух, светящиеся точки и облачные фигуры – не что иное, как скопление электричества, истекающего от медиума и участников сеанса. Ответы, получаемые по азбуке посредством стуков, объясняются сильной волей медиума и гипнозом. Оккультисты допускают, что иногда отвечают участникам спиритических сеансов и духи, но утверждают, что

почти всегда это духи злые, которые рады поглумиться над участвующими и называются чужими именами. Если бывает сеанс не ради развлечения и любопытства и начинается молитвой, может появиться ответ и от доброго духа.

– Сеанс ведь будет оккультный. Посвяти поэтому меня в оккультизм.

– Латинское слово «оккультус» значит тайный. Поэтому оккультная наука – это тайная, сокровенная. Оккультизм – это способность или искусство обладать тайными силами, посредством которых вызывают непонятные для простых смертных феномены. Познающий человек, отряхнувший от себя всё земное, проникает в тайны мировых законов и научается практически пользоваться этими тайными «оккультными» силами, то есть становится магом, направляющим дарованные ему силы на благо человека.

– И ты тоже маг?

– Я простой смертный, последователь оккультизма, начинающий его изучать. Каждый, кто хочет сделаться оккультистом, должен проснуться от духовной своей спячки и жить в духе истины и всеобъемлющей любви. Истинный оккультист никому не желает зла, никому не завидует, все препятствия побеждает любовью, и всё злое и низменное отскакивает от него как мяч от стены. Признавая в человеке существование электрической силы, учёные не могут отвергать и существование отдельной психической силы. Они говорят, что после разрушения материальной оболочки, тела челове-

ка, то есть после его смерти, электрическая энергия поступает в общую электрическую мировую материю. Так как в природе ничего не пропадает, они утверждают, что и психическая энергия человека поступает в существующую также общую психическую мировую энергию. Таким образом, они отрицают дальнейшее существование психической индивидуальной жизни, не веря в загробную жизнь. Оккультисты же верят, что смерть не полное уничтожение, а лишь перемена состояния сознания, переход из земного в сверхсознательное состояние. После оставления духом смертной оболочки дух попадает в известную сферу, высшую или низшую. Он видит и сознаёт всю прожитую им жизнь. Если он раскаивается в своих грехах, желает загладить их и стремится к высшему совершенству, он может получить разрешение опять облечься в земную оболочку. В этом вечно повторяющемся круговороте рождений и смертей индивидуальность должна расти и развиваться. Я поясню тебе примером. Если дух сознаёт, что, будучи в земной жизни богатым, он не только не помогал ближнему, но даже презирал бедных, он может просить поручить ему иску в оболочке бедного человека. Если он, возродившись в лице бедняка (конечно, прежней жизни никто не помнит), не будет терпеливо переносить лишений и будет роптать на Бога и судьбу, дух после смерти попадает ещё в более низшую сферу. Наоборот, если в труде и молитве будет терпеливо влачить свою несчастную земную жизнь, попадает в высшую сферу.

– И много раз перевоплощается дух?

– Много и через разные сроки. Бывают малоисправимые, неразвитые духи, которые сожалеют о животной чувственной жизни. Это злые духи. Но ведь бывают же и на земле чистые, светлые, непорочные люди. Бывают ведь святые.

Дальнейшие объяснения об оккультизме были прерваны приходом гостей. Собралось человек семь. Явился и медиум. Это был приличный молодой человек лет двадцати двух болезненного вида, очень нервный.

Берёзов стал прислушиваться к словам медиума и скоро разочаровался в нём. Из разговора, который вёл медиум то с одним, то с другим из гостей, Берёзов пришёл к заключению, что медиум – самый обыкновенный молодой человек, не обладающий никакими особыми познаниями и с удовольствием ведущий пустую болтовню о разного рода развлечениях.

Белов между тем обратился к медиуму с просьбою узнать, оккультная ли душа у Берёзова? Медиум ушёл в соседнюю комнату и сел у стола, на котором лежали бумага и карандаш. Берёзов и Белов, остановившись в дверях, стали молча наблюдать за ним. Медиум взял в руки карандаш и, уставив глаза в одну точку, сидел без движения. Вдруг он вздрогнул и как-то скривился на бок. Глаза у него закатились. Карандаш судорожно забегал по бумаге и остановился. Через минуту медиум встряхнулся и как бы с удивлением взглянул на бумагу.

– Берёзов, четырнадцатого перевоплощения, падший ок-

культист из четвёртой сферы, – прочитал он, – оккультное имя – Изсахар.

– Поздравляю, – сказал Белов, – ты можешь присутствовать на сеансе.

Берёзов поблагодарил с иронической улыбкой.

«Что же это такое, – думал он, – собрание ли это полоумных, полупомешанных фанатиков идеи оккультизма? Или, может быть, все они умышленно морочат друг друга, дурачатся и притворяются. Модное петербургское развлечение. Ну что ж! Позабавимся».

– Господа, пора начинать сеанс, – объявил хозяин.

Электричество загасили, оставив одну лампочку, которую покрыли голубым колпаком. В комнате разлился мягкий приятный свет. Медиум сел на диван. Гости, усевшись на стулья, расположились недалеко от него полукругом. Наступила полная тишина. Медиум сидел неподвижно минут пять. Вдруг голова его откинулась назад, веки закрылись, лицо побледнело, и по всему телу прошла судорога. Неприятно подействовал на слух звук медленно и долго втягиваемого в себя медиумом воздуха сквозь судорожно сжатые зубы.

– Здравствуйте, – послышалось приветствие, произнесённое глухим голосом, очень мало имевшим сходства с голосом медиума, – сегодня я намерен сказать вам несколько слов о том, как трудно человеку бороться с его животными страстями. Если кто из вас захочет задать мне вопрос, если что не поймёт, я отвечу, я дам разъяснение.

Вслед затем полилась плавная речь о человеческих страданиях, о людской скорби, о величии и милосердии Бога.

Берёзов слушал и не верил своим ушам. Ему казалось, что перед ним великий проповедник, какого в жизни он никогда не слышал. Какие великие истины, какие философские размышления и выводы, так просто и ясно излагаемые, какие дивные примеры. И какое знание человеческой жизни. Таким жизненным опытом может обладать только много перенёсший в жизни глубокий старец.

Говорил медиум без перерыва больше часа. Когда он остановился, кто-то задал чисто философский вопрос, на который быстро получился ясный ответ. Задал вопрос и Берёзов и в свою очередь получил ответ, вполне его удовлетворивший. Наконец, медиум умолк. Минуты через две он встряхнулся, приложил руку к глазам, пожаловался на ощущение сильной ломоты в глазах и потянулся к стакану с водой.

– Маленький перерыв, – объявил хозяин, освещая комнату полным светом электрической люстры.

Все шумно стали разговаривать и делиться впечатлениями. Медиум начал весело болтать с кем-то о последнем спектакле.

Берёзов смотрел на него изумлённо. Ему не хотелось верить, что это говорит тот же человек. Он подошёл к Белову.

– Помоги мне, Василий Иванович, разобраться в моих впечатлениях. Произошло что-то невероятное, невозможное. Слышишь, какую он теперь ведёт светскую, легкомыс-

ленную болтовню? Неужели он умеет так притворяться? Нет, мне кажется, что так морочить невозможно. Дай мне объяснение и с оккультной, и с научной точки зрения.

— Мы, последователи оккультизма, верим, что в медиума вселялся великий дух, получивший миссию укрепить нас в вере. Учёные объясняют, что во время транса мозг медиума приобретает особенную интенсивность, допускают, что во время транса психическая энергия медиума временно сообщается с психической энергией какого-нибудь учёного, философа, богослова и черпает его сведения, его мысли, которые и передаёт.

— Так или иначе, — ответил Берёзов, — но я, во всяком случае, с глубоким интересом, с наслаждением слушал замечательного, гениального проповедника-пророка. На меня речь медиума произвела громадное впечатление.

III

Через четверть часа уселись опять. Когда медиум впал в транс, он заявил, что опишет последнюю страничку из прежней жизни одного из присутствующих. Медленным, слабым голосом он начал повествование.

— Ночь. Хмурое свинцовое небо. Море, беспредельное море начинает стихать. Долго оно бушевало. Теперь слышались только отдалённые стоны. Точно выражало ужас и горевало это море, которое по повелению Бога было источником всего

живущего на земле: и растений, и животных, и людей. Оно горевало, зачем развилось так много злых людей на земле? Оно было бы готово безжалостно наказать, поглотить их. Однако оно не смеет сделать этого, потому что оно не может идти против божественного предопределения. Человек будет существовать на земле до времени известного одному Богу. Человек будет продолжать грешить, потому что Бог дал человеку вместе с разумом и свободную волю. От самого человека зависит идти по тому или иному пути.

Вот море совершенно стихло. Настал покой и тишина. Природа точно замерла. Темно. По берегу моря крупными решительными шагами идёт какая-то женщина. На голове – низко спущенное на лоб сомбреро, на плечи накинута плащ. Бронзовый цвет лица, нос с горбинкой и миндалевидная форма глаз изобличают в ней местную уроженку, мексиканку. Кулаки её гневно сжаты, почти сросшиеся между собой брови нахмурены, и чёрные глаза свирепо сверкают в темноте.

– Почему он не пришёл? – гневно шепчут её губы. – Неужели он уехал?! Не простившись со мной! Нет, этого он не мог бы сделать... И как он смеет противиться моей воле! Если я хочу, он должен сделать то, чего я требую... Так жестоко, так подло меня обмануть... Изнывал, клялся в любви. Поверила. Полюбила. И вдруг оказывается у него жена... Там в Европе. Недаром тётка Барбина твердила, что европейцам верить нельзя... Неужели мне не суждено быть его

женой!

Но я хочу, и этого достаточно! Он должен избавиться от той, он должен её убить! Ни одна женщина, кроме меня, не должна предъявлять какие бы то ни было права на него. Он не смеет думать о какой бы то ни было другой женщине, кроме меня! Я хочу обладать им всецело. Он или мой, или ничей!

Из соседней комнаты не слышно было ни звука. Сквозь щели запертой двери оттуда пробивался свет, который слабо оттенял стоящую неподвижно на одном месте женщину и ложился на полу как бы кровавыми полосами.

По песку глухо раздались торопливые шаги. Женщина злорадно усмехнулась и, не шевелясь, продолжала стоять как мраморное изваяние.

В комнату нерешительно вошёл мужчина и, увидев фигуру женщины, остановился. Это был красивый молодой человек, европеец, в богатом мексиканском костюме. Узнав неподвижно стоявшую, он снял шляпу, бросил её вместе с плащом на устроенную около стены постель и двинулся к женщине с раскрытыми объятиями...

– Прочь! О, я знаю, ты очень любишь целовать женщин, несмотря на то, что у тебя есть жена! Мой поцелуй ты получишь только после её смерти... Что же?! Согласен?

– Я не могу...

– Ты должен! Я так хочу!

– Ты знаешь, что я люблю тебя, Марикитта, что для тебя

я на всё готов! Но убить человека, убить женщину... Я не могу.

– Понимаешь ли ты, что твоя жизнь висит на волоске. Если тётка Барбина услышит, что ты пришёл сюда, я не ручаюсь за твою голову. Разве ты не знаешь, какая опасность грозила тебе вчера ночью?! В последний раз говорю тебе: ты должен!

Женщина говорила страстным, сердитым шёпотом, сильно жестикулируя. От тени, бросаемой её колеблющейся фигурой на световые полосы на полу, казалось, что цвет полос сгущается и расплывается. Теперь тёмные полосы нельзя было отличить от крови, которая как бы текла по полу.

– Что же ты молчишь? Отвечай!

– Смерти я не боюсь! Я тебя люблю. Делай со мною, что хочешь, но никого убивать я не буду.

Женщина гневно топнула ногой и громко вскрикнула: «Пеняй же теперь сам на себя!»

С этими словами она скрылась за дверь, за которой, по её словам, спала тётка.

Мужчина уныло опустил голову на грудь.

«Ужасная женщина! – размышлял он. – Как сильно я её ненавижу! К несчастью, в то же время я ещё сильнее её люблю. Чувствую, что погибаю, но не могу её покинуть. Уверен, что эта страсть опасна, и прихожу сюда... Как она зла!.. Нет, ни за что, чтобы мне не грозило, я не исполню её требования. Что же мне делать теперь?! Выхода никакого... Однако, как я устал, измучился. Какое-то недомоганье».

Он вяло опустился на постель и, закинув руки за голову, лёг на спину. Страшная бледность разлилась по его лицу. Он впал в забытье.

Из другой комнаты тихо отворилась дверь, и на пороге показалась с распушенными седыми волосами костлявая старуха. Глаза её сверкали. Тихими неслышными шагами она подкралась к лежавшему без движения человеку, и зловещая улыбка исказила и без того её страшное злое лицо. Быстро вышмыгнула она из комнаты наружу и через несколько минут возвратилась с каким-то ящичком, который поставила на грудь лежавшего в бессознательном состоянии возлюбленного своей племянницы. Открыв крышку ящичка, она отскочила и громко захохотала.

Мужчина очнулся. Он изумлённо широко открыл глаза. По-видимому, он не сознавал ещё, что с ним и где он.

– Ха-ха-ха! Ты любишь целовать чужих женщин, – кричала старуха, – вот сейчас ты получишь ещё один поцелуй! Только это будет последний, смертельный! Ха-ха-ха!

Мужчина поднял голову. В это время из ящичка высунулась голова змеи. Быстро скользнув вперёд, змея впилась острыми зубами в шею человека.

Он судорожно схватил её, но змея продолжала кусать.

– Испугался! Ха-ха-ха! – раздавался хохот.

У человека руки беспомощно разжались и повисли. Голова упала. Он умер... Кругом стояла тишина, которую резко прерывал непрекращающийся дикий хохот.

Это была предыдущая жизнь Исахара.

Медиум умолк. Опять поднялся общий говор. Хозяин объявил об окончании сеанса и пригласил всех в столовую к ужину.

– Вот какой ты был ловелас в предыдущей твоей жизни, – сказал, шутя, Белов Берёзову.

– Неужели ты серьёзно веришь в такое перевоплощение? – ответил ему вопросом Берёзов.

– Конечно. Чем ты, например, объяснишь такой случай. Ты в первый раз приезжаешь куда-нибудь далеко, за границу, и вдруг узнаешь, что раньше здесь бывал. Ты наводишь справки, не лежал ли в известном месте громадный камень, и с изумлением узнаешь, что камень этот сорок лет тому назад разбили и убрали. Это значит, что в прежней жизни ты был в этой местности.

– Я могу такому факту дать и другое объяснение. Может быть, в той местности был один из моих предков. Если мы знаем, что на потомство переходят по наследству внешние признаки тела, почему нельзя предположить, что часть мозга, в которой, как в архиве, отложилось известное впечатление, не могла передаться потомству с этим случайным оттиском?

– Если бы ты побывал несколько раз на наших сеансах, послушал бы откровения и прочёл бы побольше книг об оккультизме, и ты поверил бы.

Хотя Берёзов и старался критически отнестись ко всему

услышанному, тем не менее сеанс произвёл на него большое впечатление. Возвратившись домой, он долго не мог уснуть.

«И нужно же было этому медиуму рассказать именно о моей прежней жизни, — раздумывал он, — и как раз тогда, когда я задумал жениться. Женщины — загадка. Кто знает, какова будет моя семейная жизнь. Буду ли я счастлив? Да и суждено ли ещё мне жениться?»

На следующий день с тяжёлым предчувствием какого-то несчастья он уехал в деревню.

IV

Не успел Берёзов приехать домой, как сейчас же полетел к невесте. Встреча была самая радостная. Долго и оживлённо они болтали, перебивая друг друга, и, не доканчивая разговора об одном предмете, перескакивали к другому. Наконец, когда они немного успокоились, невеста попросила жениха дать ей подробный отчёт о том, где он был и что видел.

Рассказывая о театре, выставках и музеях, Берёзов упомянул и об оккультном сеансе.

— Ах, это очень интересно, — перебила Машенька, — мы в институте гадали при посредстве блюдечка. Очень много правды говорило нам блюдечко. Мы потом как-нибудь попробуем с тобой погадать, а теперь расскажи, что было на сеансе.

Берёзов рассказал о всём, что слышал и, обладая хорошей

памятью и красноречием, ярко нарисовал картину с Марикиттой.

— Это имя мне очень нравится, — заявила невеста, — с этого момента ты должен звать меня не Машенькой, а Марикиттой.

Через несколько дней Машенька объявила жениху, что она гадала при помощи блюдечка и что по азбуке вышло, что в прежней жизни Марикиттой была она, Машенька. Берёзов остался этим очень недоволен и попросил её родителей не позволять ей больше заниматься гаданием. Невеста надула губки и пообещала наказать его.

V

Проснувшись однажды утром, Берёзов нашёл у себя в кабинете письмо от невесты и корзину.

«Посылаю тебе нечто, — читал Берёзов, — так как это мой первый подарок, я очень прошу беречь его. Ну, не сердись, мой милый! Я ведь пообещала наказать тебя и теперь только исполняю своё обещание. Приезжай скорее. Тебя ждёт твоя Марикитта».

Улыбаясь, открыл он крышку корзинки и отшатнулся. В ней лежало чучело гадюки. Сначала Берёзов рассердился на глупую шутку, а затем вынул набитое соломой чучело с двумя оскаленными зубами и повесил его над своей кроватью. Он был слишком влюблён, чтобы сердиться. В тот же день

примирение было закреплено поцелуями.

Прошёл месяц, и приближался день свадьбы. Вдруг невеста простудилась и слегла. Вызван был доктор. Сильный жар не проходил, и через неделю ей стало хуже.

Берёзов был страшно расстроен. Целые дни он проводил в доме невесты и домой уезжал только ночевать. Возвратившись на седьмой день поздней ночью, он долго бродил по комнате. Невесёлые мысли тяготили его голову. Улёгшись на постель, он заложил руки за голову и продолжал думать. Вдруг он впал в какое-то особенное состояние. Он почувствовал удивительное спокойствие и невыразимую лёгкость тела. Ему почему-то захотелось летать. Как ни дика казалась эта мысль, у него явилось сознание, что стоит лишь ему пожелать, и он полетит. Он двинулся вперёд и внезапно остановился. На постели он увидел своё бледное, измученное, неподвижно лежавшее тело.

«Пусть тело отдохнёт, – пронеслась мысль, – я ведь отлучусь ненадолго. Слетаю только к Марикитте».

Свободно проник он сквозь стены и легко полетел в пространстве. Вот и дом невесты, вот её спальня, вот её бледное, неподвижное тело. Сама она неслась к нему навстречу.

VI

«Как я рада тебя видеть, – без слов говорила она ему, – я ведь прежняя Марикитта, люблю тебя горячо и опять, как

и тогда, с нетерпением жду дня, когда я стану твоей женою. Боюсь только Барбины, злой дух которой ненавидит тебя и хочет помешать нам соединиться».

Он только что хотел успокоить её, как заметил подкрадывающееся к нему бестелесное чёрное существо, нечто, напоминающее чёрную кошку с длинными острыми когтями. Глаза её горели каким-то адским пламенем.

– Защити меня! Это Барбина! – с испугом произнесла Марикитта и прижалась к нему.

Барбина в это время бросилась к нему на грудь. Он пришёл в страшное возбуждение и опрокинул злое существо навзничь. Вдруг он увидел змею. Он схватил её и с бешенством стал прижимать голову змеи к горлу Барбины.

«Ты умертвила меня тогда змеёй, а теперь я тебя задушу ею», – пронеслась у него мысль. Он ничего больше не признавал и всё давил и душил.

Зазвенел внезапно адский хохот:

– Ха-ха-ха! Ты хотел задушить меня, а между тем удавил Марикитту!

Он разжал руки. Злого существа не было. Оно исчезло. На постели лежало безжизненное тело Марикитты с двумя кровавыми ранками на шее от зубов змеи.

Наступил мрак, и всё исчезло.

Было уже утро. Берёзов проснулся с крупными каплями холодного пота на лбу.

VII.

– Какой ужасный у меня был кошмар! – прошептал он. В это время он с изумлением увидел, что он одною рукою крепко сжимает чучело змеи, по-видимому, свалившееся со стены. С отвращением далеко отбросив змею, взволнованный Берёзов быстро вскочил, оделся и тотчас же поспешил к больной.

Подъехав к дому невесты, он сразу догадался о постигшем несчастье. Его встретили молча, со слезами на глазах. Не помня себя от горя, он бросился в спальню больной и увидел труп.

В безумной пляске вихрем вертелись мысли у него в голове. Сон мешался у него с действительностью. Он не мог дать себе ясного отчёта – бодрствует ли он теперь или продолжает ещё бредить во сне.

– Это я, я убийца! – с ужасом шептал он. – Но ведь я хотел задушить не её, а злую Барбину.

Его увели в другую комнату. Не успевший ещё уехать доктор, подавая стакан воды, уговаривал его успокоиться, объясняя, что у умершей было не особенно здоровое сердце, которое не выдержало высокой температуры.

– Вы не знаете того, что произошло, – твердил Берёзов, – это я, несчастный, её задушил. Если это неправда, так почему же у неё две ранки на шее? Это след от зубов змеи, которой я её задушил.

– Успокойтесь. У вас от горя развивается болезненная фантазия. Никаких ранок нет, и никто их не видел.

– Не видели потому, что опущена голова. Вы приподнимите голову и увидите на шее два знака.

Чтобы доказать всю нелепость бреда Берёзова, доктор привёл его опять в спальню, подошёл к умершей и приподнял её голову. На шее были два маленьких красных пятна.

Берёзов дико вскрикнул и упал в обморок. Он заболел нервной горячкой. Надежд на спасение его было очень мало, но крепкая натура выдержала, и он выздоровел. Как только силы его восстановились, он с увлечением стал заниматься изучением оккультных наук, надеясь получить какую-нибудь весть из загробного мира от своей невесты.

На вопросы о происхождении знаков на шее умершей доктор отвечал, что, по всей вероятности, это были трупные пятна. Допускаем также и возможность, что больная в бреду могла сама себе оцарапать шею ногтями. На вопрос же, откуда Берёзов мог узнать об этих пятнах, доктор разводил руками и говорил, что нельзя отрицать иногда случающихся фактов ясновидения, точного объяснения которых современная наука ещё дать не может.

Паспорт. Петербургские силуэты (Картинки с натуры)^[10]

После 12 часов ночи к одному из ночлежных домов подошла команда городских, человек в сорок и оцепила дом.

Раздался звонок. Не успели двери открыться, как в них вошли человек двадцать агентов Сыскной полиции с помощником начальника Сыскной полиции и помощником пристава с десятком городских.

– Вставай! – раздалась зычная команда. – Вынимай паспорта! Полиция пришла.

Поднялся невыразимый переполох. В двух больших комнатах, в которых груда человеческих тел спала не только на нарах, но за недостатком места и на полу, сразу встрепелось, заволновалось и смешалось. Десятка два, перескакивая через лежащих, бросилось было к окнам, но, увидев фигуры стоящих на улице городских, шарахнулось в другую сторону. Человека четыре успели взбежать по лестнице к запертым дверям и стали ломать их. Послышался треск, двери распахнулись, и в них быстро скрылось несколько человеческих фигур.

За ними вбегали уже городские. Звон стёкол в окнах, и беглецы на крыше. Вслед за ними полезли и городские.

– У кого есть паспорта, оставайтесь на месте! Беспаспортные, выходим на улицу! – отдавалось между тем распоряже-

ние.

Шёл быстрый осмотр. Через полчаса небольшая кучка человек в тридцать с паспортами осталась в ночлежном доме, а остальные же человек двести, конвоируемые городовыми, шли толпой в управление участка.

Там пошла сейчас же проверка личности каждого из них.

– Вот этого задержали на крыше, – докладывал городской, указывая на крестьянского парня лет девятнадцати, – остальные три человека соскочили с крыши на деревья и скрылись.

– Ты кто такой? Паспорт есть?

– Я крестьянин. Вот и паспорт.

– Зачем же ты убегал?

– Испугался очень. Я только вчера приехал в Петербург. Порядков здешних ещё не знал. Спал я. Вдруг слышу: полиция, убегай! Человек, который спал рядом со мной, побежал. Побежал и я.

Паспорт был в порядке, и парня отпустили.

К столу, за которым сидит начальство, подходит высокого роста с опухшей физиономией в старом сюртуке, одетом на голое тело, какой-то субъект и раскланивается.

– Как, вы опять?! – говорит пристав. – Где же ваш паспорт?

– Либо потерял, либо у пьяного украли. Не угостите ли папироской?

Это спившийся бывший офицер.

Мимо стола длинной вереницей проходит ряд типов, до-

стойных кисти художника. Подходит рабочий весь в угольной пыли и молча протягивает лист бумаги, на котором что-то напечатано. Начальство читает и хохочет.

– Откуда приобрёл? Ты кто такой?

– Крестьянин. Таскаю уголь с барок. Украли у меня мой паспорт в ночлежном. Вот один и говорит: «Мне мой паспорт не нужен. Купи». Я и купил за 15 копеек. Неграмотный я и не знаю, что там написано. Сказал он, что настоящий, а теперь вот не признают.

Паспорт был оригинальный. Вот его текст:

«Выдан паспорт из деревни Ржаные Рога Градской Губы на имя крестьянина Федулина сроком до отца, то есть пока отцу будет угодно.

Вероисповедания: скопского.

Время рождения: не знает, так как дедку в ту пору угорел.

Род занятий: в последнее время лапти плёл и коровам солону носил.

Состоял или состоит в браке: хотел батя женить, да Маруху зимой волки съели.

Отношение к воинской повинности: дедко с батей говорили – не гожусь.

Подпись владельца паспорта: не отпускали учиться. И ни к чему, говорил Ефрем двоюродный.

Роста: немного повыше Катюхи соседской.

Цвет волос: в аккурат как у Ермаковой шарой кобылы, только мельче.

Подбородок: как у Сеньки.

Лицо: чистое. Одна царапина – тёркой ахнули. Старых вередов²⁴ несколько.

Особые приметы: сбоку близорук, без носа и без рук. Правый глаз не видит, а левый соломой заткнут.

Предъявитель сего – крестьянин Скопской губернии Градской Губы Опалихинского уезда деревни Ржаные Рога Иван Федулин. Отец тот Федул, что губы надул, а сын это я. Уволен в разные города и селения Российской Империи сроком от нижеписанного числа на 9 месяцев, стало быть, ровно на полгода.

Паспорт выдан с тем, чтобы по городу ходить честно и благородно, в кабацаровы²⁵ не ходить, в трактирах на беленд-рясах²⁶ не хлопать, не требовать чайной сбруи и не пить чаю с морскими огурцами...

При выдаче паспорта свидетелями были: митькин малец с кривой версты, Хведулка-дровяной староста в липовых лап-тях, небольшой аблак²⁷ по варвариним делам в белых пор-тах с гашиком²⁸ и скреботарь.

Подати засуроплены. Печать старой гривной приляпана. Тысяча девятисот этого года, числа не помню, знаю, что по-

²⁴ Гнойных нарыв, чирей.

²⁵ *Предположительно:* кабаки.

²⁶ Шутки.

²⁷ Адвокат.

²⁸ Шнурок, продёрнутый в верхней части штанов.

недельник. Наш староста по случаю именин пьян, и расписалась его Федосья. Сотский с Вшивой Горки, за отъездом нашего за картошкой. Прописан паспорт в Прачешном переулке. Служил у барыни за две четверти в день ржи – над ней свечку держи. Будешь жить по местам, куда хочешь сам. Паспорта номер у Екимовой Дуньки в сарафане в правом кармане».

Разборка беспаспортных окончилась лишь к 4 часам ночи.

На следующий день из числа задержанных одни были отправлены в пересыльную тюрьму для высылки на родину, другие же для выяснения личности – в антропометрическое отделение.

К ночи перед этим домом стояла громадная толпа. Беспаспортные знали, что здесь обхода полиции раньше как через месяц не будет.

Портфель^[11]

Может быть, это и странно, но мужчинам высокого роста обыкновенно нравятся маленькие женщины. Встречая Степана Ивановича Тавридова вместе с его женой Анной Ивановной, всякий невольно ошибался, предполагая, что это отец с дочерью. Тавридов был громадного роста, плотный, здоровый мужчина. Жена его была миниатюрное, хрупкое и, хотя и красивое, но болезненное, нервное создание. Друг друга они любили и жили исключительно один для другого.

Несмотря на то что крупная фигура Тавридова была игрушкой в руках его жены, она не была вполне счастлива. Объяснялось это тем, что она была безумно, болезненно ревнива. Хотя муж никогда не подавал ни малейшего повода к ревности, но он часто оставлял её. Он был делец и вращался среди торгового купеческого мира. Поэтому ему часто приходилось принимать участие в разного рода обедах и ужинах, зимой в ресторанах, летом в загородных садах. Жена знала, что ездит он не для личного удовольствия и что собрания эти ему давно надоели, тем не менее она не могла пересилить своей ревности и мучила себя и его незаслуженными подозрениями.

– Ты опять не спишь, Аня, – говорил обыкновенно Степан Иванович, возвратившись домой ночью, – ведь я же предупредил тебя, что я должен был ужинать.

– Я не знаю, где ты был и с кем ужинал. Может быть, с дамами... И почему это должен?!

– Пойми же ты, что все дела обделываются за едой и питьём. В этом я не виноват, если у нас в торговом мире так принято. Ты знаешь, с кем я был, и ещё лучше знаешь, что для меня, кроме тебя, никаких на свете женщин не существует. Тебя я люблю, и ты отлично знаешь, как я тебя люблю! Зачем же эти упрёки?

– Все мужчины одинаковы. К тому же мне кажется, что у тебя животная жизнь начинает брать верх над умственной. Отойди от меня!

Вслед за выговорами и упрёками шли слёзы. Степан Иванович начинал спокойно рассказывать о том, как он провёл время, не выпуская ни малейшей подробности. Анна Ивановна, хотя и делала вид, что не слушает его, однако запечатлевала в своей голове каждое слово, стараясь поймать мужа и уличить его в каком-нибудь противоречии. Наконец, она успокаивалась.

– Пойми и ты, – говорила она ему, – что я живу только тобой. У меня нет ни детей, ни родных. Я постоянно больна, и вся моя жизнь в тебе. Если ты разобьёшь моё счастье, разобьёшь мою любовь, мою веру в тебя, если ты мне изменишь, я сейчас же умру!

Однажды Тавридов прямо из заседания, не заезжая домой, поехал на обед в один из ресторанов. Возвращаясь домой, он вспомнил о своём портфеле. Его не было. Прислуга

уверяла, что он явился в ресторан без портфеля. Он помнил, что, выходя из заседания, он взял его с собой. Выходило, что он забыл его на извозчике.

В портфеле были важные документы, и поэтому Тавридов приехал домой очень расстроенным. Жена заметила его удручённое состояние. Мгновенно у неё появились самые острые подозрения. Степан Иванович, беспокоясь о потерянных документах, не мог спокойно час за часом без всяких пробелов устанавливать, где был и что делал. Анна Ивановна окончательно решила, что на этот раз муж ей изменил. Последовал истерический припадок.

В течение целого следующего дня Тавридов при помощи полиции разыскивал свой портфель и не мог его найти. Его успокаивали, что портфель будет возвращён, так как на нём были вытиснены его имя, отчество и фамилия, но его всё не было.

Где же запропастился его портфель?

Извозчика, на пролётке которого забыл портфель Тавридов, наняли два молодых человека. Оба они были не совсем трезвы, ехали в какое-то увеселительное заведение и сокрушались, что у них денег маловато. Когда они расплатились с извозчиком, последний заметил оставленный портфель.

– Послушайте, господин! Портфель забыли, – крикнул он.

– А, портфель?! Спасибо. Давай его сюда, – отозвался молодой человек постарше.

– Зачем ты берёшь чужой портфель? – заметил его това-

рищ.

– Мы солиднее будем казаться. Смотри-ка, смотри! Видишь фамилию. Разве ты не знаешь дельца Тавридова?! Ну, так это я Тавридов теперь. При случае под этот портфель и кредит будет хороший...

Молодые люди пили, поили каких-то девиц и отправились затем к ним в гости. Там окончательно перепились и, не уплатив денег по счёту, оставили в виде залога портфель.

На третий день в газетах появилось объявление о потере портфеля с обозначением адреса Тавридова. Доставившему портфель назначалась награда в двадцать пять рублей.

В этот же день через час после ухода Тавридова явился к нему на квартиру какой-то здоровенный малый и сказал, что пришёл поговорить о портфеле.

– Передайте ему обещанные двадцать пять рублей и возьмите портфель, – приказала горничной Анна Ивановна.

– Да он портфеля не принёс. Говорит что-то несуразное. Уплатить по счёту какому-то требует.

У Анны Ивановны сразу поднялись все её подозрения. Она быстро вышла в переднюю. После нескольких слов, сказанных пришедшим, она побледнела и выгнала его вон.

Ухмыляясь, выгнанный пошёл к швейцару, расспросил его и отправился к Тавридову в один из банков. Тавридов, узнав от посетителя, какую штуку проделали с его портфелем неизвестные молодые люди, сообщил об этом по телефону Сыскной полиции. Часа через два портфель был уже в

руках Тавридова.

С радостным видом возвращался домой Тавридов. Вся измученная, дрожащая, бледная, поглядывая в окно, ждала его жена. Завидев издали мужа и заметив у него в руках портфель, она яростно вскочила. «А! У него в руках портфель!.. Значит, он опять был там!» – молнией пронеслось у неё в голове. Она схватила лежавший на столе мужа револьвер, вбежала в переднюю и сама отворила дверь.

– Вот портфель! Представь себе, милая, какую скверную проделку разыграли со мной... – весело начал говорить Степан Иванович.

– Не обманешь больше! – перебила его Анна Ивановна. – Довольно разыгрывать комедию со мной! Это вот тебе!

С этими словами она выстрелила в мужа. Он пошатнулся.

– А теперь и я... – едва проговорила она и приложила револьвер к своему виску.

Степан Иванович бросился вперёд и схватил её за руку. Раздался второй выстрел. Пуля полетела в потолок. Анна Ивановна опустилась на пол...

У неё был глубокий обморок. Через довольно продолжительное время с помощью доктора она была приведена в чувство. Заметив у себя на платье кровь, она стала ощупывать себя.

– Не беспокойтесь. Вы не ранены. Это не ваша кровь, – сказал доктор.

– Значит, мужа! Он умер! Без него я не хочу жить!

– Успокойтесь. Он жив. Пуля пробила бумажник и скользнула по рёбрам, лишь слегка ранив его. Через неделю будет здоров. Он ждёт вас. Пойдёмте к нему. Успокойте его.

– Он меня обманул...

Доктор подробно стала излагать ей о похождениях молодых людей с портфелем. По мере того как он говорил, Анна Ивановна всё ниже и ниже опускала голову. Теперь она ясно сознавала, как далеко завела её слепая безумная ревность.

Тихо вошла она в кабинет, где лежал её муж. Увидев бледное лицо его, она с рыданием бросилась перед ним на колени.

С тех пор жизнь Тавридовых переменилась. Наступило тихое семейное счастье. Тавридов стал любить и беречь жену больше прежнего. Она взяла себя в руки и употребляла все усилия, чтобы избежать проявлений безумных вспышек ревности. Когда она иногда замечала, что ревность против воли начинает подкрадываться к ней, она просто говорила об этом мужу, и сейчас же всё разъяснялось.

Портфеля Тавридов больше никогда с собой не брал.

Гипнотизёрка^[12]

Дарья Ивановна, кухарка, за повара была очень расстроена. Да и мудрено было не расстроиться, когда обнаружилось, что из двух дюжин господских серебряных ложек с вензелями одна ложка бесследно исчезла.

Накануне у господ были гости. Перед обедом лакей сосчитал серебро, всё было цело. Вечером всё серебро снесено было в кухню. Утром оно было вымыто, и тут-то обнаружилась пропажа.

– То есть такая неприятность, Григорий Петрович, такая неприятность, что я и ума не приложу, – говорила кухарка почтенному лакею, служившему у господ лет тридцать, – и кто мог украсть? Из гостей никто не мог положить ложку в карман, были все знакомые. Из кухни, значит, крали. А кто украл? Вот и загвоздка... Дворник дрова приносил, к столу не подходил. Бросил дрова у плиты и ушёл. Кажется, я из кухни ни на минуточку не выходила.

– Да, большая неприятность, Дарья Ивановна.

– Больше ничего не остаётся делать, как к гадалке сходить. Есть такие. Сейчас она скажет, брюнет или блондин ложку взял. Расспрошу, где какая гадалка живёт, и схожу. Единственное средство.

Пока кухарка рассуждала, время шло. Взглянув на часы, она быстро схватила корзину и отправилась за провизией.

Какая-то скромно одетая средних лет дама с южного типа лицом и большими чёрными глазами шла вслед за ней и прислушивалась.

– Что с тобою, милая? – догнав кухарку, спросила она. – Вижу, что ты чем-то очень расстроена. Не могу ли помочь тебе чем-нибудь?

– Ах, барыня! Такая неприятность, такая неприятность, – заговорила кухарка, останавливаясь.

Быстро полились слова, и в течение самого короткого времени дама была посвящена не только в подробности пропажи ложки, но и во всю семейную жизнь господ.

– Знаешь, милая, я могу помочь тебе отыскать и вора, и ложку. Только нужна тайна. Ты не должна никому, ни одному человеку говорить, что я берусь за это дело. Если проговоришься, ложка никогда отыскана не будет.

– Уж будьте спокойны. Никому не скажу. Помогите только.

– Ну, слушай. Завтра ровно в три часа я приду к тебе. Необходимо, чтобы в течение часа мы оставались вдвоём. Ни лакей, ни горничная – никто не должен входить. Если помешают или узнают, что я приду, всё будет испорчено и ничего не выйдет.

– Не беспокойтесь. Устрою. А вы как это будете гадать? На картах?

– Особенным образом. Увидишь. Прощай. Помни же, чтобы на кухне в три часа кроме тебя никого не было.

На следующий день в три часа дня дама была уже у кухарки.

– Садись сюда, милая, на табуретку, поближе к окну и смотри мне прямо в глаза. Вот так! – отдавала она приказания.

– Что это вы так смотрите... Страшно... – проговорила кухарка и вдруг замолчала.

Глаза её полужакрылись, и руки повисли как плети. Дама медленно провела руками несколько раз перед её лицом. Прodelав пассы, она стала настойчиво отдавать ей приказания. Затем властно сказала: «Проснись!» и дунула кухарке в лицо. Та встрепенулась и открыла глаза.

– Что это со мной? – изумлённо проговорила кухарка. – Никак вздремнула?

– Что ты должна делать? – спросила дама, не спуская с неё глаз.

Кухарка быстро опустила руку в карман, вынула кошелёк и подала его даме.

– Здесь два с полтиной. Возьмите, пожалуйста.

– Хорошо, ты мне снесёшь их на извозчика.

Затем кухарка бросилась к своему небольшому сундуку, покопалась в нём и, отыскав свои сбережения, шестьдесят четыре рубля, подала их даме.

– Очень прошу вас, возьмите, пожалуйста. Возьмите и сундучок мой со всеми вещами. Не откажите! Как милости прошу! Возьмите тоже и подушку, и пальто драповое.

Через несколько минут кухарка ставила в ноги к сидевшей уже на пролётке даме сундук и подавала узлы. Извозчик поехал. Кухарка кланялась и благодарила.

В это время к ней подошла возвращавшаяся с прогулки бонна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

Печатается по: Шевляков М.В. Из области приключений: по рассказам бывшего начальника с. – петербургской сыскной полиции И. Д. Путилина. М., 1901. С. 174–198.

2.

Печатается по: Чулицкий М.Ф. Убийство портнихи // Петербургская газета. 1907(?).

3.

Печатается по: Дом Вяземского (Из судебной хроники) // Неделя. 1895. № 21. С. 668–670. Подпись: М.

4.

Печатается по: Чулицкий М.Ф. Картинки из Петербургской жизни (Типы преступников) Старый товарищ // Петербургская газета. 1907(?).

5.

Печатается по: Чулицкий М.Ф. Сапоги // Природа и жизнь. 1904. № 16. С. 483–489.

6.

Печатается по: Умиравшая (уголовный рассказ) // Петербургский листок. Год неизвестен. № 26. С. 222–223.

Подпись: Старик.

7.

Печатается по: Чулицкий М.Ф. Уголовные очерки. Вор // Петербургская газета. 1907(?).

8.

Печатается по: Чулицкий М.Ф. Уголовные очерки. Пиф-Паф // Петербургская газета. 1907(?).

9.

Печатается по: Чулицкий М.Ф. Живые и мертвые (Из области таинственного) // Василеостровская газета. 1909.

10.

Печатается по: Петербургские силуэты. Паспорт(картинки с натуры) // Неизвестный источник. 1911 г. Подпись: Иогарь.

11.

Печатается по: Чулицкий М.Ф. Уголовные очерки. Портфель // Петербургская газета. 1907(?). № 323.

12.

Печатается по: Петербургские силуэты. Гипнотизерка (картинки с натуры) // Неизвестный источник.